Анастасия Вежина

Опасная должность

Анастасия Вежина
Опасная должность

https://litres.ru/73215858
SelfPub; 2026

Аннотация

Одна опечатка — и её карьера может закончиться, так и не начавшись.

Родион Кремнёв смотрит на Марину Филатову так, словно она — ошибка, которую нужно немедленно исправить. В «Кремнёв Групп» не прощают промахов: здесь слабых вычеркивают быстро и без сожалений.

Марина пришла сюда не за иллюзиями успеха. Ей нужен шанс вернуть уважение после прошлого унижения. Ледяная вежливость, безупречная работа и строгая дистанция — единственное, что удерживает её на плаву.

Кремнёв не верит оправданиям и умеет давить молчанием сильнее крика. Но однажды Марина видит его другим — не холодным боссом, а отцом, который ради шестилетней дочери построил вокруг себя крепость из контроля и одиночества.

Офисные интриги, слухи, саботаж перед решающими переговорами и совет директоров, готовый уничтожить их обоих…

Когда профессиональная дистанция трещит, что страшнее — потерять работу или снова довериться мужчине, который может разрушить всё одним словом?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	46
Глава 6	62
Глава 7	72
Глава 8	84
Глава 9	93
Г	108
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Опасная должность

Глава 1

Марина

СМС прилетает, когда до стеклянных дверей остаётся три шага: «Не лезь туда. Кремнёв тебя перемелет».

Номер без подписи. Сам тон, однако, до неприятного знаком: так говорят люди, которые на совещании улыбаются, а в кабинете умеют одним замечанием напомнить тебе твоё место.

Я задерживаюсь у входа всего на секунду. Большой палец зависает над экраном, под рёбрами поднимается знакомый холод. Хочется перечитать сообщение ещё раз, поискать в нём подсказку, но я вместо этого удаляю его и выключаю звук на телефоне. Кто бы ни решил меня предупредить, решение всё равно принимать мне.

Три оставшихся шага прохожу без остановки.

Стеклянные двери «Кремнёв Тауэр» расходятся, и в лицо бьёт сухой прохладный воздух с запахом металла, дорогого парфюма и свежей уборки. Новый костюм пока ещё ощущается на теле слишком отчётливо: гладкая ткань на плечах, жёсткий пояс юбки, туфли, которые утром казались удобными. Я ловлю себя на желании втянуть голову в плечи и тут же расправляюсь. Подбородок выше, дыхание ровнее.

Мрамор отвечает каблукам глухим тук-тук. В огромном холле этот звук слышен лучше человеческих голосов: сотрудники говорят негромко, охрана почти не двигается, на двух больших экранах у ресепшена медленно сменяются корпоративные новости. Стекло, металл, светлые вертикали уходят вверх так уверенно, что архитектура справляется со своей задачей без слов — напоминает каждому вошедшему о масштабе компании.

Я направляюсь к турникетам, когда сзади раздаётся:

— Новенькая?

Оборачиваюсь.

Светлое пальто без единой складки, идеально уложенные волосы, спокойная улыбка. Женщина стоит посреди холла так, словно давно знает, кому здесь можно не уступать дорогу. Её я узнаю по корпоративным новостям: Полина Ланская, руководитель маркетинга.

— Филатова Марина, — представляюсь я.

— Ланская Полина Борисовна. Вы к Родиону Викторовичу?

Имя босса она произносит свободно, почти по-хозяйски.

— Да. Секретарь-референт.

Полина успевает скользнуть взглядом по моим туфлям, сумке, застёжке на пиджаке и снова возвращается к лицу.

— Понятно. Удачи.

Пожелание звучит так, что благодарить за него не хочется. Я всё же киваю и иду дальше. За спиной её каблуки отбивают

по мрамору быстрый, уверенный ритм.

— Девушка, первый раз? — окликает охранник.

— Да.

Я протягиваю паспорт и временный пропуск, выданный на стойке регистрации. Мужчина сверяет данные с планшетом, и эти несколько секунд неожиданно тянутся дольше, чем разговор с Полиной. Если сейчас выяснится, что меня нет в списках, я не уйду. Подниму письмо от HR, найду нужный номер, заставлю систему признать моё существование.

Охранник возвращает паспорт и активирует карту.

— Пятьдесят пятый этаж. Группа «А». Прикладываете к считывателю — проходите.

— Спасибо.

Турникет щёлкает, пропуская меня внутрь.

Лифт приходит почти сразу. В зеркальной кабине слишком хорошо видно женщину в новом костюме, с прямой спиной и лицом, которое умеет говорить «будет исполнено» спокойнее, чем чувствует себя его хозяйка.

Цифры на панели бегут вверх. На тридцатом этаже заходят двое мужчин в костюмах и продолжают обсуждать квартальные показатели так, будто разговор начался ещё на парковке. Один замечает мой бейдж.

— Новый референт?

— Да.

— Долго здесь не держатся, — сообщает он без особого интереса и снова смотрит в телефон.

Его спутник усмехается, но ничего не добавляет.

Я тоже молчу. Первые пять минут в компании — плохое время спорить с чужой статистикой.

На пятьдесят пятом двери лифта открываются в другое пространство. Здесь тише, ковровая дорожка глушит шаги, на стенах нет рекламы, а у стеклянных дверей переговорных горят аккуратные таблички занятости. Воздух пахнет кофе, техникой и всё тем же кондиционером. Даже случайно оставленная на краю тумбы папка выглядит так, будто лежит по регламенту.

За стойкой приёмной сидит молодая девушка. Усталость у неё заметнее макияжа: напряжённые плечи, синеватые тени под глазами, слишком быстрый взгляд на часы.

— Вы Марина?

— Да.

— Я сегодня ухожу. Передаю дела. Проходите.

Она выходит из-за стойки и ведёт меня к столу у окна. Стол пустой до стерильности: монитор, телефон, лоток для документов, ни одной личной мелочи.

— Компьютер ваш. Вход по корпоративной почте, базовые доступы уже заведены, остальные даст IT. Здесь внутренние номера.

Она выдвигает ящик и достаёт толстую папку с контактами. Внутри цветные закладки: охрана, водители, клининг, протокол, курьеры, переговорные.

— Если звонят отсюда или из кабинета, отвечаете сразу,

даже если он занят, — девушка кивает на тёмную дверь справа. — Потом разберётесь, что можно перенести.

Я открываю блокнот.

— График на сегодня?

Она протягивает распечатку. Совещание в десять, два звонка подряд, встреча с юристами, ещё одна с финансистами. Отдельной строки для обеда нет.

— Переносы бывают?

Девушка криво улыбается.

— Бывают. Когда он переносит вас вместе со всем расписанием.

Сказав это, она сразу напрягается.

— Простите. Не должна так говорить.

— Давайте факты. С ними проще.

Похоже, такой ответ её устраивает. Она кивает и загибает пальцы:

— Без вызова лучше не входить. Черновики не носить — ему нужен готовый вариант. «Я не знаю» тоже лучше не говорить. Если не знаете, находите ответ.

Я записываю: вызов, финальная версия, сначала найти.

— И ещё, — продолжает она тише. — Не попадайте ему под горячую руку.

Ручка на секунду замирает над бумагой.

— Насколько горячую?

— Он не орёт. Это было бы легче. Может сказать две фразы спокойным голосом, а ты потом неделю прокручиваешь

их в голове.

Я слишком хорошо знаю этот эффект.

Память возвращает чужой кабинет, запах табака и мужскую улыбку человека, который держал мой контракт так, словно вместе с ним держал и меня.

«Ты же понимаешь, Марина, что ты здесь никто?»

Тогда я улыбнулась по инструкции, закончила разговор и позже собрала вещи. Без красивого скандала. Просто ушла, чтобы ещё раз не услышать ту же фразу в другой формулировке.

Эта работа должна быть другой. И если не будет — на этот раз я хочу понять это сама, а не потому, что кто-то заранее решил за меня.

— Поняла, — говорю я. — Что ещё?

Девушка оглядывается на коридор.

— Полина Ланская. Она будет улыбаться. Не верьте всему, что идёт вместе с улыбкой.

— Мы уже познакомились.

— Тогда вы начали быстрее меня.

Она показывает шаблоны писем, заявки на машины, журнал курьеров и правила бронирования переговорных. Я записываю только то, что действительно пригодится в первые часы. Чем больше система, тем меньше смысла пытаться запомнить её целиком за десять минут.

— Последнее, — говорит девушка. — Если Родион Викторович спрашивает «почему», готовьте не оправдание, а от-

вет. Он действительно ждёт ответ.

За тёмной дверью что-то щёлкает — то ли папка, то ли ручка. Мы обе невольно смотрим туда.

— Он там? — спрашиваю я.

— Был на звонке. Кажется, уже закончил.

Телефон на моём столе оживает коротким сигналом. Девушка заметно вздрагивает, а я беру трубку.

— Приёмная генерального директора, Марина Филатова, слушаю.

После короткой паузы раздаётся знакомый женский голос:

— Полина Ланская. Соедините.

— Одну минуту, Полина Борисовна.

Я нажимаю внутреннюю линию.

— Родион Викторович, Полина Борисовна на связи.

Ответ приходит сразу:

— Соединяйте.

Разговор длится меньше минуты. Я слышу только интонации — короткие, деловые, без приветствий. Когда индикатор гаснет, девушка рядом поднимает глаза к двери кабинета.

— Всё. Сейчас.

Она начинает складывать вещи в небольшую коробку. Зарядка, кружка, блокнот, косметичка — обычный набор человека, который несколько лет приходил сюда каждый день и теперь хочет унести всё за один заход.

У двери она вдруг останавливается.

— И ещё. Сообщение у входа — моё.

Я смотрю на неё уже иначе.

— Откуда у вас мой номер?

— Был в листе передачи дел. Я не знала, как сказать это от своего имени.

В памяти всплывает первая строка: «Не лезь туда. Кремнёв тебя перемелет».

— Это было предупреждение?

Она крепче прижимает коробку.

— Да. Но решать всё равно вам.

Вот с этим я согласна.

Тёмная дверь кабинета открывается. Девушка бросает на неё короткий взгляд, потом на меня.

— Родион Викторович ждёт вас.

Я закрываю блокнот и встаю. Плечи сами пытаются напрячься, но я опускаю их, поправляю край пиджака и иду к двери.

За спиной остаются пустой стол предшественницы, её коробка и чужое предупреждение. Впереди — кабинет человека, из-за которого всё это появилось.

Я делаю шаг через порог, не ускоряясь.

Глава 2

Марина

Дверь за спиной закрывается почти бесшумно, и тишина кабинета сразу ощущается иначе, чем в приёмной. Здесь никто не шуршит бумагами, не переговаривается у лифта, не проходит мимо стекла. Слышно, как каблук касается ковра и как кондиционер гонит воздух где-то под потолком.

Я останавливаюсь в нескольких шагах от стола.

Кабинет не пытается впечатлить роскошью. Он впечатляет порядком. На столешнице — две аккуратные стопки документов, ноутбук, чашка кофе и ручка. Ничего случайного. За креслом — панорамное окно, Москва внизу выглядит почти плоской: крыши, стекло, полосы машин. Сам хозяин кабинета сидит к свету спиной, поэтому первые секунды лицо остаётся в тени.

— Филатова?

Голос низкий, без приветственной интонации.

— Да, Родион Викторович.

Он не предлагает сесть. Берёт лежащий перед ним лист и щёлкает ручкой.

— У вас в сопроводительном письме опечатка. Третий абзац.

Несколько секунд я уверена, что ослышалась. Вчера ночью я перечитывала письмо дважды, потом ещё раз утром.

Именно такие мелочи я обычно замечаю первой.

— Прошу прощения. Исправлю в личном деле сегодня.

Он поднимает глаза.

Взгляд внимательный и неприятно спокойный. В нём нет удовольствия от чужой ошибки, что почему-то делает замечание ещё точнее: человек не пытается меня унизить, он просто увидел недочёт и считает естественным сообщить о нём.

— Извинение ничего не исправляет, — говорит он.

Я чувствую, как на языке собирается ответ, который точно не стоит произносить в первый рабочий час.

— Приняла.

Родион Викторович ещё секунду смотрит на меня, затем кладёт письмо в сторону и достаёт из стопки тонкую папку.

— Это по контракту с «НордТехом». Прочитаете, сделаете анализ и сводную таблицу по рискам. К обеду.

Он протягивает папку через стол.

Я беру её обеими руками. Уже по закладкам видно, что «прочитать» здесь — не двадцать минут: договор, приложения, переписка, расчёты, замечания юристов.

На стене часы показывают начало десятого.

— Уточню формат. Выводы плюс таблица в Excel?

— Да.

— Основные источники внутри?

— Должны быть.

Это «должны» я запоминаю отдельно. Значит, если че-

го-то не окажется, искать придётся самой.

— Приоритеты по рискам: сроки, штрафы, деньги, обязательства сторон?

Он чуть меняет положение в кресле, и я вижу: вопрос он услышал.

— В таком порядке.

— Хорошо. Будет готово к обеду.

Ручка снова щёлкает. Родион Викторович делает пометку в блокноте.

— Сегодня заседание совета. Вам пришлют двух гостей, оформите пропуска.

— Сделаю.

Он листает следующий документ, явно считая разговор законченным, но через секунду добавляет:

— И не тратьте время на «пожалуйста» и «спасибо», когда вопрос рабочий. Мне нужен результат, а не церемония.

Внутри почти автоматически возникает: «Дышать пока разрешено?» Я оставляю реплику там же, где она появилась.

— Поняла.

— Всё.

Я выхожу в приёмную с папкой под мышкой.

Только когда дверь закрывается, замечаю, что всё это время держала спину так прямо, что между лопатками уже тянет. Папка помогает быстро вернуть мысли к делу: тяжёлая, реальная, с конкретным сроком.

Предшественница всё ещё здесь. Коробка стоит у её стола,

сама она снимает со стены лист с внутренними телефонами.

— Ну? — спрашивает она вполголоса.

— Контракт. Анализ и таблица к обеду.

Она смотрит на папку и коротко усмехается.

— Посвящение.

— Часто так?

— С новыми — почти всегда. Он проверяет, умеете ли вы отделять важное от всего остального.

— Полезно было узнать это до задания.

— Тогда проверка не работала бы.

С этим трудно спорить.

Я кладу папку на стол, открываю её и быстро просматриваю содержание. Договор на несколько десятков страниц, приложения, письма, таблицы, пометки юристов. Если читать всё подряд, к обеду у меня будет только хорошее знание договора и плохая работа.

Я беру чистый лист и делю страницу на четыре блока: сроки, деньги, ответственность, контрагенты. Рядом оставляю место под вопросы. Так проще: сначала каркас, потом детали.

— Кофе там, — говорит девушка и кивает на нишу у стены. — Но я бы сначала разобрала структуру.

— Уже.

Она подходит ближе, заглядывает на мой лист и одобрительно качает головой.

— Тогда, может, вы и правда продержитесь.

— Это у вас местное пожелание доброго утра?

Она наконец улыбается нормально.

— Примерно.

Телефон под рукой коротко пиликает.

Я беру трубку.

— Приёмная генерального директора, Марина Филатова.

— Служба безопасности. По гостям совета. Список сейчас отправим.

— Приняла. На какой адрес подавать данные?

На том конце называют внутреннюю почту, я тут же записываю её в блокнот и сверяю с папкой контактов. Через минуту письмо уже открыто: фамилии, время прибытия, номера машин. Я оформляю заявку, ставлю копию в календарь и возвращаюсь к договору.

Работа помогает лучше любого успокоительного.

Через двадцать минут я понимаю структуру. Через сорок нахожу первый серьёзный риск: штрафы увеличиваются после определённого срока, а возможность переноса прописана так, что без дополнительного соглашения она почти бесполезна. Ещё через десять минут замечаю слабое место в обязательствах контрагента.

Я не знаю, насколько глубоко Родион Викторович ждёт анализа от человека, который пришёл сегодня утром. Поэтому делаю так, как сделала бы для себя: достаточно глубоко, чтобы потом не краснеть.

На соседнем столе девушка складывает в коробку послед-

ние мелочи. Зарядка, кружка, ручка, фотография в маленькой рамке. Всё помещается удивительно быстро.

— Если хотите ещё один факт, — говорит она.

— Давайте.

— Он ненавидит документы, в которых надо искать глазами. Если вывод важный — он должен быть виден сразу.

— Цветом выделять?

— Нет. Цвет он тоже ненавидит.

Я невольно улыбаюсь.

—Хорошо. Без цвета.

Она задерживается, будто хочет добавить что-то ещё, но передумывает.

— Удачи, Марина.

— Спасибо. И вам.

Девушка берёт коробку и уходит. Двери лифта закрываются за ней, и приёмная впервые становится полностью моей.

Это ощущается странно. Ещё час назад я не знала, где здесь включается кофемашина, а теперь отвечаю за чужой календарь, пропуска на совет и телефон, который может зазвонить в любую секунду.

Я снова открываю таблицу.

К одиннадцати тридцати структура готова. В первом листе — риски и приоритеты. Во втором — сроки и финансовые последствия. В третьем — вопросы, которые стоит вынести юристам. Ничего сложного по форме; сложность в том,

чтобы не спрятать важное между строками.

Я перечитываю выводы, убираю два лишних прилагательных и оставляю сухие формулировки. «Высокий риск». «Критический срок». «Требуется дополнительное соглашение». Если Родион Викторович любит финальные версии, пусть получает финальную.

Потом вспоминаю про опечатку.

Нахожу письмо в кадровой папке, вижу злосчастную букву и на несколько секунд просто смотрю на неё. Одна буква. Никакой трагедии. Но раздражает сильнее, чем должна, потому что он увидел её раньше меня.

Исправляю файл, сохраняю новую версию и возвращаюсь к договору.

Без пяти двенадцать распечатываю таблицу в двух экземплярах. Один — ему, второй оставляю себе на случай вопросов. Проверяю, чтобы страницы шли по порядку и не было случайных пустых листов.

Перед дверью кабинета останавливаюсь.

Вчерашняя секретарь сказала: без вызова не входить. Но срок заканчивается, а работа готова. Значит, звоню по внутренней линии.

— Родион Викторович, материалы по «НордТеху» готовы.

Пауза.

— Зайдите.

Я беру папку и вхожу.

Кабинет почти не изменился. Чашка кофе теперь стоит ближе к краю, на столе появилась ещё одна стопка документов. Сам Кремнёв читает что-то на экране и только потом переводит взгляд на меня.

— На стол.

Я кладу материалы перед ним и отступаю на шаг.

Он сначала смотрит сводную таблицу, затем листает приложения. Быстро, но не поверхностно: пальцем ведёт по строкам, дважды возвращается назад.

— Почему по третьему пункту нет ссылки на источник?

— Есть в примечании на второй странице. В исходной папке источник был только в приложении к письму контрагента.

Он перелистывает, находит ссылку.

— Здесь «высокий риск». Основание?

Я открываю свой экземпляр.

— Срок и штрафы за срыв. После третьей недели ставка увеличивается. Перенос возможен только через дополнительное соглашение, которого сейчас нет.

Он смотрит на нужный пункт договора, потом снова на таблицу.

— Вы первый день.

— Да.

— И уже делаете выводы.

Не понимаю, это замечание или вопрос.

— Только по документам, которые вы дали. Там, где дан-

ных не хватило, я вынесла вопросы отдельно.

Он открывает третий лист, читает несколько строк.

Потом кладёт бумаги на стол.

— Нормально.

Одно слово, произнесённое ровным голосом. Но после утренней опечатки оно неожиданно действует лучше полноценной похвалы.

Я не позволяю себе улыбнуться.

— Что-то переделать?

— Пока нет. Передайте вопросы юристам и поставьте ответ до конца дня.

— Сделаю.

Он снова берёт ручку.

— На обед сегодня не рассчитывайте.

— Я уже догадалась.

Фраза вылетает раньше, чем я успеваю проверить её на безопасность.

Родион Викторович поднимает глаза.

На секунду в кабинете становится очень тихо. Я уже готова добавить формальное «простите», но уголок его рта едва заметно двигается.

Не улыбка. Скорее признание того, что реплика дошла.

— Быстро учитесь, Филатова.

— Стараюсь.

Он переводит взгляд на бумаги.

— И исправьте опечатку.

— Уже.

Теперь пауза его.

Он снова смотрит на меня, чуть внимательнее, чем раньше.

— Хорошо.

Я разворачиваюсь к двери и почти дохожу до неё, когда понимаю, что больше заданий не прозвучало.

Оглядываюсь.

— Это всё на сегодня?

— На сегодня — да.

Я киваю и выхожу.

Дверь закрывается, а у меня появляется ощущение, что я не просто пережила проверку. Я получила следующий рабочий час — и пока этого достаточно.

Глава 3

Марина

Тёплый картонный стакан обжигает пальцы даже через крышку, и это раздражает сильнее, чем должно. Я держу стакан чуть в стороне от тонкой папки с документами для утреннего совещания и слежу, чтобы крышка не цеплялась за край. Бумага шуршит у локтя, цепляется за ткань пиджака; после короткой ночи даже простая дорога по коридору требует внимания.

Ночь заканчивается пару часов назад. Я успеваю только вымыть голову, затянуть волосы в гладкий узел и стереть с лица признаки недосыпа тональным кремом. В зеркале получается вполне рабочая версия меня: следы недосыпа заметны только тому, кто знает, куда смотреть.

В приёмной ещё пусто. Монитор светится холодно, телефон молчит, а в воздухе висит то самое офисное утро — запах озона от техники и вчерашнего кофе, который не успели вылить. Я ставлю стакан на край стола, проверяю крышку, снова беру. Нет. Нельзя ставить. Ставить — значит отвлекаться. А отвлекаться здесь не получается даже если захочешь.

Я открываю папку на секунду. Вижу заголовок, жирный шрифт, подписи. Вижу печати. И сразу вспоминаю его голос: «На обед не рассчитывайте». Он сказал это вчера так буд-

нично, будто сообщал прогноз погоды. А я кивнула и пошла в HR исправлять ту злосчастную букву в личном деле, потому что он приказал.

Буква оказалась не просто буквой. Она оказалась моим первым следом в архиве. И я его вычистила, как вычищают пятно с белой ткани: без удовольствия, с упорством.

Сегодня второй день. Я хотя бы уже знаю, где находятся переговорные, кому звонить по пропускам и какой тон здесь считается нормальным.

Я беру папку и кофе и выхожу в коридор. Каблуки стучат тихо: ковёр глушит звук, но не глушит ощущение, что за мной следят стены. Свет здесь белый, дорогой, ровный. В нём невозможно спрятать дрожь, если она появится.

Я иду к кабинету Родиона Викторовича. Телефон в кармане вибрирует, но я не достаю его на ходу: вчера уже решила, что сообщения подождут до стола. Из переговорной доносится короткий смех, у поворота пахнет сладкими духами с резкой пряной нотой. Запах я узнаю раньше, чем вижу хозяйку.

Полина Ланская появляется из-за поворота, будто её вывели сюда специально, в точку пересечения маршрутов. Она идёт навстречу, идеально выверяя скорость. Её каблуки не торопятся. Её взгляд успевает всё.

— Мариночка, — говорит она мягко. Фамильярность в этом обращении слишком хорошо рассчитана. — Доброе утро.

Я не даю лицу дрогнуть. Не отвечаю на уменьшительно-ласкательное.

— Доброе утро, Полина Борисовна.

Улыбка становится чуть заметнее.

— О, какие правильные интонации. Учитесь быстро. — Она переводит взгляд на стакан в моей руке. — Кофе несёте?

— Да.

— Он любит, чтобы было горячее, — произносит она так, будто знает не только температуру кофе, но и температуру его крови. — И не любит ждать.

Я держу стакан ровно. Пальцы немеют от жара. Внутри зудит желание ответить: «Спасибо, я уже слышала». Но «спасибо» — лишнее. А острое слово — опасное. Я делаю шаг в сторону, чтобы разойтись.

— Проходите, — говорю я сухо.

Полина тоже делает шаг — ровно в тот момент, когда я двигаюсь. Мы встречаемся в узком месте коридора, где ковёр заканчивается и начинается гладкий камень. Её плечо касается моего плеча. Лёгкое, почти невинное касание. Но оно сдвигает центр тяжести ровно настолько, чтобы моя рука с кофе дёрнулась. Крышка не выдерживает.

Горячая жидкость выплёскивается через край и попадает на папку в другой руке. Тёмная полоса проходит по верхнему листу; бумага моментально впитывает кофе, темнеет и начинает коробиться у края.

Я замираю. Не театрально. Просто тело выключает дви-

жение, чтобы не сделать хуже.

Запах ударяет в нос горечью и жжёным сахаром. Ладонь липнет к стакану. Кофе капает на светлый камень, оставляя заметные тёмные точки.

— Ой, — говорит Полина, и в её голосе нет испуга. Там есть удовольствие, аккуратно спрятанное под сочувствием. — Аккуратнее. Вы так торопитесь… Наверное, к Родиону Викторовичу?

Я смотрю на папку. На лист, где ещё секунду назад были подписи. Теперь часть текста расплывается вместе с чернилами подписи. Полина наклоняет голову.

— Неприятно, да? — Она медлит, будто смакует. — Он не любит, когда портят документы.

Я поднимаю глаза на неё. Меня обдаёт злостью, и первая реплика, которая приходит в голову, была бы очень приятной и совершенно бесполезной. Я оставляю её при себе и говорю ровно.

Я ставлю стакан на подоконник рядом с ближайшей колонной. Крышка дрожит, капли стекают по боку. Я вытираю пальцы салфеткой из кармана — одну, вторую, третью. Салфетки моментально темнеют. Я собираю их в комок и сжимаю так крепко, что костяшки белеют.

— Полина Борисовна, — говорю я спокойно, — коридор узкий. Вы могли подождать секунду.

Её брови слегка поднимаются.

— Вы меня обвиняете?

— Я фиксирую факт, — отвечаю я. — Сейчас отойду и приведу документы в порядок.

Она улыбается шире, уже без попытки спрятать торжество.

— Приведёте? — мягко переспрашивает она. — Быстро вы тут освоились. Давайте… удачи.

Слово «удачи» у неё всегда звучит как «прощай». Она проходит мимо, оставляя сладкий шлейф духов. Намеренно ли она сместилась в мою сторону, я доказать не могу. Зато могу доказать, что документ сейчас мокрый и отвечает за него моя фамилия.

Я остаюсь одна в коридоре с мокрой папкой и пятном на полу.

Голоса в переговорной стихли. В воздухе висит странная тишина — такая, когда даже кондиционер будто боится дышать. Кто-то вдалеке проходит и заметно замедляет шаг. Я не оборачиваюсь: зрителей у этой сцены и без того достаточно.

Я наклоняюсь и поднимаю папку ближе к свету. Верхний лист пострадал сильнее всего. Пятно захватило подпись, край печати, часть текста. Если это рабочая копия, проблема решаема за несколько минут. Если оригинал — придётся восстанавливать весь бумажный контур.

Слова Полины крутятся в голове: «Он не любит, когда портят документы». Конечно. Кто любит.

Я заставляю себя остановиться ровно на один вдох, что-

бы не начать делать первое попавшееся вместо нужного. Что можно сделать?

Найти оригинал. Найти копию.

Срочно распечатать снова. Если подписи живые — значит, это подлинник. Тогда копия не заменит.

Подлинник. Я смотрю на расплывшуюся печать и понимаю: да, это подлинник. Тот самый, который должен лежать в сейфе, а не в моих руках, залитый кофе.

Я сглатываю. Сухо. Горло становится узким. Руки начинают работать быстрее головы. Я вытаскиваю из папки остальные листы, проверяю, задело ли их. Кофе прошёл по краю, зацепил два листа частично. Остальные относительно чистые. «Относительно» — слово, которое здесь снова не принимают.

Я аккуратно отделяю испорченный лист и держу его в руке отдельно, чтобы пятно не разошлось дальше. Бумага мокрая, холодная, и почему-то именно это холодное ощущение пугает сильнее, чем горячий кофе. За моей спиной слышится шаг.

Я не оборачиваюсь сразу — не потому что «дисциплина», а потому что любое лишнее движение может уронить бумагу на пол. Я удерживаю листы, выравниваю их, и только потом поворачиваю голову.

В коридоре стоят двое сотрудников — без имён, просто «кто-то». Они делают вид, что обсуждают что-то в телефоне, но краем глаза смотрят на пятно на полу и на мои руки. Их

взгляды липнут хуже кофе.

Я не даю им зрелища. Поднимаю подбородок, делаю два шага к ближайшей стойке с салфетками, беру ещё и начинаю вытирать пол. Кофе не исчезает полностью — остаётся тёмный след, но я стираю лужу, убираю капли. Салфетки рвутся, руки пачкаются, запах горчит, но я не останавливаюсь. Пока я тру, мозг продолжает считать варианты.

IT? Принтер? Скан? Запрос в архив? Нужна копия. Быстро. Я промокаю лист двумя сухими салфетками, не растирая чернила, и откладываю его отдельно. Бумагу уже не вернуть в прежнее состояние; теперь задача — не испортить ещё больше.

Кабинет рядом. Мой стол — далеко. Принтер — в приёмной. До него — двадцать шагов. И ещё надо объяснить, что случилось. Объяснение — ловушка. Он не любит объяснений. Он любит результат. Я решаю так: сначала действие, потом слова.

Я поднимаю папку, прижимаю её к боку, иду быстрым шагом к приёмной. Каблуки уже не стучат — ковёр глушит звук. Но сердце всё равно отбивает ритм где-то в горле.

В приёмной у меня под рукой принтер. Я бросаю папку на стол — мягко, но быстро. Включаю компьютер, открываю папку с документами — там должна быть электронная версия. Должна быть. В этом месте всё «должно».

Пальцы бьют по клавишам. Я открываю внутреннюю систему документооборота, ввожу номер из верхнего угла, ко-

торый ещё читается. Система думает секунду, другую. Секунды вытягиваются, как резина. Появляется карточка документа.

Есть файл. Я почти смеюсь от облегчения — но смех остаётся внутри и сразу глохнет. Файл есть, но подписи? Электронная версия без мокрой подписи — просто бумага.

Я открываю файл. Вижу сканы подписей. Значит, документ проходил через систему. Значит, оригинал могли сканировать. Значит, можно распечатать скан и… нет. Скан не заменит оригинал. Но он может спасти хотя бы часть — чтобы показать на совещании. А оригинал… оригинал надо объяснить.

Я печатаю. Принтер начинает тянуть бумагу, жужжит, плюёт листы один за другим. Руки у меня трясутся от усталости и адреналина, но я держу их под контролем, прижимаю ладони к столу на секунду, чтобы вернуть точность.

Пока принтер печатает, я слышу шаги в коридоре. Тяжёлые, ровные. Не быстрые. Такие шаги не торопятся, потому что весь мир торопится за них.

Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с Полиной, которая проходит мимо приёмной через стекло. Она задерживается, смотрит на меня через прозрачную перегородку и улыбается. Небольшая, почти дружелюбная улыбка. Она даже не прячет, что ждёт моего падения.

Я отворачиваюсь. Не потому что проиграла. Потому что надо собрать листы.

Принтер заканчивает. Я хватаю свежие распечатки, выравниваю, скрепляю. На мгновение пальцы снова ощущают контроль: белая бумага, ровные края, чёткий текст. Почти как «до». Но «до» уже не существует.

Я беру папку с распечатками и испорченный лист — отдельно, в файле, чтобы не размазать ещё больше. И снова выхожу в коридор. Нужно убрать остаток кофе с пола и понять, сколько людей успели заметить происшествие.

Пятно на полу я почти стерла, но тёмный след остался. Его видно, если знать, куда смотреть. А в этой компании все знают, куда смотреть.

Я присаживаюсь на корточки — быстро, аккуратно, чтобы юбка не задралась, чтобы каблуки не скользнули. Дотираю остаток влажной салфеткой, потом сухой. На камне остаётся лёгкая тень, но лужи больше нет. И в этот момент слышу звук, который меняет всё.

Дверь кабинета Родиона Викторовича открывается. Дверь открывается спокойно, но я мгновенно забываю про салфетку в руке.

Я поднимаюсь. Медленно. Испорченный лист в файле становится тяжелее любого груза. Папка с распечатками будто лёгкая, но это обман: лёгкое здесь не спасает. Он выходит.

Не спешит. Не смотрит на пол сначала. Он смотрит на меня.

И я понимаю, что сейчас важнее всего — не метаться, не суетиться, не оправдываться. Я держу корпус ровно. Паль-

цы сжимают папку с распечатками так, что пластик скрипит. Его взгляд опускается ниже.

Сначала — на мои руки. Потом — на файл с испорченным листом. Потом — на пол, где ещё недавно была лужа кофе. Потом снова — на меня. Он не говорит ни слова.

Ни «что это». Ни «как вы умудрились». Ни «вы вообще понимаете». Он просто смотрит.

Он молчит, и этого хватает: мне было бы легче отвечать на прямой вопрос, чем ждать его вывода.

Глава 4

Марина

Он смотрит прежде всего на последствия: испорченный лист, след кофе на полу, папку с распечатками.

Папка с распечатками режет ладонь ребром, прозрачный файл с мокрым листом липнет к пальцам через пластик. Я перехватываю бумаги удобнее, чтобы хотя бы сейчас ничего не уронить.

Родион Викторович подходит ближе. Взгляд цепляется за тёмный след на полу, за влажный угол файла, за мой рукав, где осталась коричневая точка. Он не наклоняется, не проверяет. Он уже видит всё, что ему надо.

— Это недопустимо, Филатова, — говорит он тихо.

Никакой публичной сцены он устраивать не собирается. Я открываю рот, чтобы произнести что-то формальное: «Приняла», «Исправлю», «Уже…» — и закрываю. Объяснение сейчас ничего не исправит. Ему нужен документ на совещании.

— На совещание, — бросает он, и это не уточнение, а маршрут.

Он проходит мимо меня так близко, что я ловлю запах его парфюма — холодный, сухой, с горечью. И всё. Он уже в коридоре, уже идёт, не оглядываясь. Я остаюсь на месте ещё секунду, пока он уходит к переговорной.

По стеклу переговорной отражается его силуэт: прямой, ровный, без лишних движений. Рядом мелькают другие — сотрудники, папки, планшеты. Они текут вокруг него, как вода вокруг камня. Я остаюсь одна. И вот тут меня накрывает.

Адреналин отпускает слишком резко. Горло сводит, пальцы немеют, и я едва не роняю файл. В груди горячо, щёки тоже горят, хотя в коридоре прохладно. Вдох получается коротким и неприятным.

Полина стоит чуть дальше, у поворота, и наблюдает. Она не подходит. Она просто наслаждается тем, как я стою на месте. Я не даю ей этого удовольствия.

Поворачиваюсь и иду в сторону туалетов быстрым шагом. Не бегу — бег выглядит слабостью. Иду с видом человека, у которого всё именно так и запланировано: отойти на минуту, привести себя в порядок, вернуться.

Каблук цепляется за край ковра, я сбиваюсь с шага и окончательно злюсь — уже не на Полину, а на собственную потерю точности.

У двери дамской комнаты я хватаюсь за ручку и чувствую — ладонь липкая. Кофе. Всего одна лужица на пальцах, а раздражает сильнее всего утреннего провала.

Я вхожу, закрываю дверь, и тишина, наконец, перестаёт быть публичной.

В зеркале напротив раковины лицо выглядит хуже, чем я ожидала. Мой тон держится, спина держится, а глаза выда-

ют. Внутри всё рвётся наружу, и оно выходит — мгновенно, горячо. По щекам идут слёзы, без разрешения, без паузы. Я вытираю их тыльной стороной ладони, сразу. Грубо. Как стирают грязь.

— Нет, — говорю я вслух, и голос сипит. — Не здесь.

Я опираюсь о край раковины. Холодная керамика бьёт в ладони. Кран щёлкает, вода идёт ледяная. Я подставляю руки, умываюсь. Вода попадает на манжеты, но сейчас это самая безобидная проблема утра.

Я вытираю лицо бумажным полотенцем. Одним. Вторым. Третьим. Кожа горит от бумаги и холодной воды.

Я считаю несколько вдохов и жду, пока голос снова станет нормальным.

В зеркале остаётся красное пятно на щеке — там, где слёзы смешались с тональным кремом. Я стираю его пальцем, но размазываю хуже. Беру ещё полотенце, прижимаю. Не помогает. Полоса остаётся, бледная, но видимая.

В памяти всплывает старое: «Ты же понимаешь, что ты никто?» Неприятное сходство не в словах, а в том, как легко спокойный мужской голос заставляет меня снова ждать унижения. Я сжимаю край раковины сильнее.

— Никто не вылетает отсюда из за стакана кофе, — произношу я вслух. — Никто, кто умеет работать.

Я делаю то, что умею: превращаю позор в задачу. Сначала последствия. С эмоциями можно разобраться после работы.

Из туалета выхожу уже собранной: вода, слёзы и зеркало

остаются за дверью. Каблуки стучат ровнее. Плечи прямые. Внутри — жар, но я удерживаю его глубже, за рёбрами.

В приёмной я хватаю файл с распечатками и свой второй экземпляр заметок, с которыми вчера работала. Открываю систему документооборота снова. Теперь мне нужен не «показать на совещании». Мне нужен план, как спасти оригинал или хотя бы закрыть дыру так, чтобы на совете никто не понял масштаб.

Я открываю карточку документа, смотрю маршруты согласования, вложения, даты. Внутренние номера, вложенные файлы, сканы с подписями. Значит, документ уже проходил через внутренний контур. Значит, где-то есть комплект в архиве.

Я набираю внутренний номер юридического отдела — без имени, просто линия.

— Юридический отдел, — отвечает женский голос.

— Филатова, приёмная генерального. Срочно: по договору №… нужен дубликат комплекта на совещание. В системе есть скан подписанного экземпляра. Где хранится бумажный комплект?

Пауза. Клавиатура на том конце. Женщина отвечает осторожно:

— Бумажный комплект у нас в сейфе. Под роспись.

— Я поднимусь сейчас, — говорю я. — Нужна выдача на полчаса. Верну.

— Нам нужна заявка.

— Оформлю. Сейчас. По почте, — отвечаю я и не даю себе застрять в переписке. — С кем согласовать?

— С начальником отдела.

«Начальник отдела» — без имени. Значит, имя не нужно.

— Соедините, пожалуйста, — произношу я и тут же ловлю себя: «пожалуйста» — лишнее. Я поправляюсь быстро: — Соедините.

Она соединяет. Мужской голос говорит коротко:

— Слушаю.

Я говорю так же коротко, как Родион Викторович вчера:

— Мне нужен комплект договора №… на двадцать минут. Оригинал в коридоре пострадал. На совещании нужен документ с подписями. Возьму под роспись, верну.

Он молчит секунду — ровно столько, чтобы я успела представить, как сейчас он начинает задавать вопросы «как» и «почему». Но он спрашивает другое:

— Кто несёт ответственность?

— Я, — отвечаю я сразу.

— Поднимайтесь. Роспись. И чтобы вернули без задержек.

— Приняла.

Я бросаю взгляд на часы. До начала совещания — несколько минут. Родион Викторович уже там, в переговорной, и, вероятнее всего, без документа. Полина, вероятнее всего, рядом. И это значит: каждый следующий шаг должен быть быстрым и без ошибок.

Я закрываю систему, беру пропуск и папку и быстрым шагом иду к лифтам. Бежать бессмысленно: от этого лифт не приедет быстрее.

Лифт едет мучительно долго. В зеркале кабины я вижу ту самую красную полосу на щеке. Она никуда не делась. Я прикрываю её волосами чуть сильнее, но прядь выбивается и тут же прилипает к коже. Отдираю, снова прячу. Бесполезно.

На нужном этаже я забираю комплект у юристов: папка, скрепки, синяя печать на листах, подписи ровные, чернила чёткие. Мужчина подсовывает журнал. Я ставлю подпись, дату, время. Почерк получается неожиданно ровным.

В лифте держу комплект обеими руками и ещё раз проверяю номер договора.

На пятьдесят пятом я выхожу и сразу слышу через стекло переговорной гул голосов. Совещание началось.

У двери переговорной задерживаюсь. Лишняя пауза — риск. Но ворваться — тоже риск. Лучше войти через протокол, не прерывая доклад.

У двери стоит сотрудник службы протокола — без имени, в строгом костюме, с планшетом.

— Я для Родиона Викторовича, — говорю я тихо. — Документ. Срочно.

Он смотрит на папку, на мою бейдж ленточку и отступает, приоткрывает дверь ровно настолько, чтобы я смогла просунуть руку, не привлекая внимания. Я заглядываю внутрь.

Родион Викторович сидит во главе стола. Лицо — как

маска. Глаза холодные. Он говорит что-то кому-то слева, не повышая голоса, и весь стол слушает. Полина сидит ближе, чуть повернувшись к нему. У неё выражение внимательной преданности.

Я прохожу по краю стола, стараясь не попадать в поле зрения докладчика. Кладу папку рядом с Родион Викторовичем на свободное место, чтобы она не стукнула. Бумага шуршит тихо.

Он не поворачивает голову сразу. Только пальцы, лежащие на столе, чуть меняют положение. Он касается папки — коротко, как проверяет наличие. И продолжает говорить, не сбиваясь. Я выхожу так же тихо, закрываю дверь.

В коридоре подкашиваются колени. Я касаюсь ладонью стены, пережидаю дрожь, выпрямляюсь и возвращаюсь в приёмную.

Теперь остаётся главное: восстановить то, что испортила. Испорченный оригинал я не могу «починить». Но могу оформить замену так, чтобы в системе осталась точная история произошедшего, а не случайная дыра. Я оформляю служебную записку на замену экземпляра, фиксирую, что документ в системе есть, что комплект выдан юротделом на совещание, что оригинал будет передан в архив после замены.

Я печатаю так быстро, что пальцы начинают болеть. Экран мерцает. В воздухе снова пахнет озоном — техника греется.

Телефон пару раз звонит. Я отвечаю коротко, без лишнего: соединяю, записываю, отправляю. Параллельные звонки

мешают сосредоточиться, поэтому я записываю каждое действие и возвращаюсь к документу между ними.

К концу совещания я уже не думаю о Полине. Не думаю о его взгляде. Я думаю о строках, датах, подписи в журнале, о том, чтобы закрыть след.

И всё же красное пятно на щеке остаётся. Я вспоминаю о нём, когда ловлю свой профиль в тёмном стекле монитора. Красная полоса всё ещё заметна.

Я вытираю лицо влажной салфеткой из ящика стола. Мелкая косметическая война. Пятно светлеет, но не исчезает. Ладно. Пусть.

Оставляю как есть. Мне важнее закончить документы, чем победить собственное отражение.

Родион

После её ухода я всё ещё вижу перед собой мокрый лист и лицо Филатовой. «Недопустимо, Филатова».

«Недопустимо, Филатова» — единственное, что я сказал. И правильно: сначала устраняют последствия, потом обсуждают причины.

Я иду в переговорную, и каждый шаг подбрасывает в голове картинку: мокрый лист в её руках, тёмное пятно на бумаге, её лицо — слишком бледное, слишком напряжённое. Она стояла и не спорила. Для моего контура ошибка всё равно остаётся риском; вопрос только в том, как человек ведёт себя после неё.

Я сажусь за стол, открываю папку с повесткой, запускаю

обсуждение. Голос держится ровно. Люди отвечают. Цифры звучат. Графики мелькают на экране. А у меня перед глазами всё равно её руки.

Я ловлю себя на этом и сжимаю челюсть. Перевожу внимание на докладчика.

— Сроки, — говорю я. — Конкретно.

Он начинает объяснять, почему сроки «двигаются». Я слышу слово «двигаются» и ощущаю, как внутри поднимается холод. Сроки не двигаются. Сроки либо соблюдают, либо срывают.

— Мне не нужны описания, — отрезаю я. — Мне нужен план.

Кто-то рядом кашляет. Полина делает пометку в блокноте. Она следит за мной боковым взглядом, подбирая следующую интонацию. Я продолжаю.

— Если проект не успевает, я хочу видеть ответственного и дату, — говорю я. — Сегодня.

Они кивают. Они записывают. Они записывают быстрее. Обычно после второго конкретного вопроса люди вспоминают, что пришли не оправдываться, а принимать решения. И всё равно картинка с коридором не уходит.

Я раздражаюсь на себя за эту слабость. Какая разница, что у неё в глазах? Это секретарь. Новый. Два дня.

Но где-то внутри цепляется другое: она не оправдывалась. Она не пыталась давить жалостью. Она стояла и молчала, потому что понимала: слово не поможет.

Это я отмечаю, хотя пока не собираюсь делать из одного эпизода вывод о человеке. Я отбрасываю мысль и переключаюсь на следующий пункт повестки.

— Финансы, — говорю я.

В этот момент телефон вибрирует в кармане. Вибрация короткая, настойчивая. Личная линия. Я уже знаю, кто.

Личные звонки во время совещаний я почти никогда не принимаю. Этот номер — исключение.

— Минуту, — говорю я и выхожу из переговорной в коридор.

Там тихо, пахнет озоном и стеклом. Я достаю телефон.

— Да.

— Родион Викторович, — голос няни звучит напряжённо. — Алиса проснулась с температурой. Она горячая. Я дала жаропонижающее, но…

В горле становится сухо. Мир в секунду сужается до одного слова: температура.

— Сколько? — спрашиваю я.

— Тридцать девять и два.

Я закрываю глаза, выдыхаю и сразу спрашиваю дальше.

— Врача вызвали?

— Сейчас звоню.

— Врача дождитесь. Давайте ей пить понемногу и сразу звоните мне, если состояние изменится. Я освобожусь и перезвоню.

— Хорошо.

Я убираю телефон и стою в коридоре секунду. Воздух не проходит нормально. В груди тяжело, как от камня. Алиса.

Моя дочь. Шесть лет. Маленькое тело, которое не умеет терпеть боль. Её глаза всегда смотрят на меня с невозможным детским доверием: папа всё исправит. Я не имею права снова не успеть. Я возвращаюсь в переговорную.

Люди поднимают головы. Полина тоже. Она улыбается сочувственно — ровно тем уровнем, который уместен публично.

— Продолжаем, — говорю я.

Голос выходит чуть ниже, чем обычно. Я слышу это и делаю его ровнее.

Докладчик снова начинает объяснять «почему». Я слушаю ровно пять секунд.

— Стоп, — говорю я. — Вы сейчас рассказываете мне историю. Мне нужна таблица действий.

Он запинается. Я вижу, как у него бегает взгляд. Внутри снова поднимается тот же холод, который спасает мой бизнес, но делает меня… слишком жёстким. Я сокращаю вопросы до необходимого.

— Дата. Ответственный. Риски. — Я стучу пальцем по столу один раз. — Дальше.

Совещание двигается дальше, но в голове уже параллельно крутится другое: врач, аптека, машина, Алиса, дом. И ещё — та папка с документом. Я собирался вызвать HR и закрыть вопрос с Филатовой одним распоряжением. Ошибка — зна-

чит, человек не подходит.

Но теперь ошибка перестаёт быть просто ошибкой. Она становится ещё одной переменной в день, где и так слишком много переменных.

Совещание заканчивается. Люди встают, собирают бумаги. Полина задерживается, явно собираясь сказать что-то личное.

— Родион Викторович, если надо, я могу… — начинает она.

— Не надо, — перебиваю я. — Спасибо.

Слово «спасибо» я говорю редко. Сейчас оно звучит почти как нож по стеклу. Полина улыбается, кивает и уходит. Улыбка остаётся на её лице дольше, чем нужно. Она слишком уверена, что всё под контролем. Сегодня привычного ощущения контроля нет.

Я иду к кабинету быстрым шагом. Внутри уже выстроен план: зайти, вызвать HR, подготовить заявление, закрыть тему, перейти к важному. Такой вариант кажется самым простым. Я открываю дверь в приёмную — и останавливаюсь.

Филатова сидит за столом идеально прямо. Плечи ровные, как линейка. Пальцы бегут по клавишам с бешеной скоростью. На экране открыты документы, таблицы, письма. Она не смотрит по сторонам. Она не следит за моей реакцией. Просто работает: карточка документа, письмо юристам, телефон, следующая строка.

На её щеке — красное пятно. На щеке осталась красная

полоса после воды или полотенца.

Она поднимает глаза. Не испуганно — сдержанно. По лицу понятно: «Я уже исправляю».

Я чувствую, как внутри поднимается приказ — привычный, жёсткий: «уволить». Одновременно приходится признать другое: она не рассыпалась и уже чинит собственную ошибку. Поэтому увольнение перестаёт быть автоматическим решением.

Я молча прохожу мимо её стола и захожу в кабинет, не дав себе ни секунды задержаться у этого красного пятна на её щеке.

Глава 5

Марина

Вечер в офисе наступает не по часам — по звуку. Писк мессенджера редеет, лифты перестают вздыхать каждые две минуты, в коридоре остаётся только кондиционер и далёкий гул города за стеклом. Уходить пока рано.

Третью чашку за день я ставлю подальше от документов. Кофе давно нужен не ради вкуса — просто иначе к вечеру начинаю перечитывать одну строку по три раза.

На столе лежит папка с тем самым комплектом, который сегодня утром я держала мокрыми руками, как приговор. Рядом — распечатки, сканы, журнал выдачи из юротдела, моя служебная записка с аккуратными формулировками. Формулировки сухие и служебные: «в целях обеспечения непрерывности документооборота», «во избежание репутационных рисков». Хорошо. Чем меньше в записке моего стыда и чужих улыбок, тем полезнее она как документ.

Днём я закрыла дыру на совещании: принесла комплект, вошла тенью, вышла тенью. Он даже не повернул голову. Только пальцы тронули папку — коротко, как проверка: «встало на место». И всё равно я видела, как Полина выследила мой манёвр боковым взглядом. Она умеет считать чужие шаги.

После совещания Родион Викторович не вызвал меня к

себе. Не спросил. Не предъявил. Он просто прошёл мимо и закрыл дверь кабинета. Его молчание оставило слишком много места для догадок, поэтому я возвращаюсь к тому, что можно проверить и исправить.

Сначала возвращаю резервный подлинник в юротдел — под роспись и с отметкой времени.

Потом поднимаю историю документа в системе и сверяю испорченный лист с электронной версией. Это действительно оригинальная подписанная страница, а не рабочая копия.

Дальше выясняю, как заменить лист по правилам, а не спрятать проблему. Нужен новый экземпляр, повторная подпись контрагента, курьер, отметка о замене и акт на испорченный лист. Цепочка длиннее, чем хотелось бы, но по крайней мере понятная.

Юристы соглашаются на «план Б»: подготовить новый лист, отправить на подпись курьером, вернуть до конца недели. До конца недели документ физически не вернётся, поэтому сегодня я могу закрыть только внутреннюю часть: сроки, ответственных, заявку и след в системе. Оставлять это на память точно не стоит.

Я собираю свежие данные по договору: обновляю суммы по последним платежам, сверяю даты, вношу уточнения в таблицу, которую делала вчера. Заодно обновляю вчерашнюю таблицу: свежие платежи меняют одну из сумм. Исправление ошибки не должно мешать нормальной работе по договору.

К вечеру у меня в папке лежит комплект: новая сводка по договору, обновлённый график выплат, список действий по переоформлению листа и — отдельным файлом — короткая записка для него. Без оправданий. Без «прошу прощения». Только факты и сроки.

Файлы копирую на маленькую чёрную флешку и ещё раз открываю их уже с неё: не хватало после такого дня принести руководителю повреждённый файл.

В приёмной становится темнее. Настольная лампа освещает только мой стол; за стеклянной перегородкой коридор уже почти пуст. На часах почти одиннадцать.

Я открываю календарь Родиона Викторовича. Календарь давно закончился, но в его кабинете всё ещё горит настольная лампа. И сейчас я вижу: в кабинете горит свет. Не общий, не потолочный — лампа. Значит, он тоже не уходит.

Я ещё раз проверяю папку, флешку, номера заявок и иду к двери кабинета. Ковёр глушит каблуки, поэтому в ночной приёмной особенно слышен щелчок кнопки внутренней связи. У двери я замираю.

Нельзя стучать без вызова. Правило про вход без вызова никто не отменял, поэтому я пользуюсь внутренней связью.

Я нажимаю кнопку внутренней связи.

— Родион Викторович, — говорю я ровно. — Я подготовила материалы по утреннему инциденту и обновлённую сводку. Могу зайти на две минуты?

Пауза длится недолго.

— Заходите, — отвечает он.

Я мысленно сокращаю доклад до двух минут. Я открываю дверь.

Кабинет ночью выглядит иначе. Днём кабинет выглядит почти стерильно. Ночью здесь заметнее следы длинного рабочего дня: чашка с остывшим кофе, снятый галстук на спинке кресла, открытая папка с документами, экран ноутбука с таблицами. За окном Москва горит огнями, и стекло отражает их внутрь, разбрасывает по столу крошечные световые точки, будто кто-то рассыпал металлическую пыль.

Он сидит за столом, рубашка расстёгнута на одну пуговицу, рукава закатаны. В руке у него привычная ручка; он один раз щёлкает кнопкой и смотрит на меня. Он поднимает глаза.

— Говорите, — коротко.

Я вхожу и закрываю дверь за собой так тихо, как умею. Туфли оставляю у порога. В руках папка и флешка. Я подхожу к столу на расстояние, которое не нарушает границы, и кладу папку перед ним, не касаясь его вещей.

— Я восстановила комплект для архива и подготовила план по замене подписанного листа, — говорю я и не позволяю словам расплыться. — Плюс обновила сводку по договору: добавила свежие платежи и уточнила график.

Я кладу флешку рядом. Металл цокает о дерево чуть громче, чем хотелось бы.

Он смотрит на папку, на флешку, затем на меня — спокойно, без подсказки, понравилось ему решение или нет.

— Вы здесь с утра, — говорит он.

Это не вопрос. Это констатация факта, который он заметил. Я не оправдываюсь.

— Да.

— Почему не ушли?

Вспоминаю предупреждение предшественницы про его «почему». Я молчу ровно столько, чтобы не превратить ответ в эмоциональный всплеск.

— Потому что хвосты тянутся, — говорю я. — А вы их не терпите.

Он щёлкает ручкой один раз. Не улыбается. Он ничего не комментирует, только предлагает открыть папку.

— Открывайте, — говорит он.

Я раскрываю папку, разворачиваю первый лист к нему. На листе — короткая таблица действий: «юротдел — подготовка листа», «контрагент — подпись», «курьер — доставка», «архив — замена комплекта». Сроки — конкретные, с датами. Рядом — блок «на сегодня»: «внутренняя запись», «прикрепление сканов», «служебная отметка по выдаче».

Он читает быстро. Глаза бегут по строкам. Он водит кончиком ручки по строкам, сверяя сроки.

— Контрагент подпишет?

— Я уже согласовала, — отвечаю я. — Завтра с утра отправляю курьером. Юристы подготовили лист.

— Кто у нас курьер?

— Служба доставки через охрану. Я оформлю заявку. Но-

мер заявки укажу в системе.

Он смотрит на меня чуть дольше.

— Вы уже всё расписали.

— Да.

Он перелистывает. Доходит до обновлённой сводки. Там график выплат и короткие выводы. Я не пишу длинных текстов. Я пишу так, чтобы он мог принять решение за десять секунд. Он проводит ручкой по строке.

— Здесь сумма другая, чем в отчёте финансового отдела.

— Я взяла данные из выписки по счёту за сегодня и сверила с платежками, — говорю я. — В отчёте закрытие вчерашнее.

Он коротко кивает. После утреннего «недопустимо» этого достаточно: сейчас он проверяет решение, а не ищет повод продолжить выговор.

Он кладёт листы на стол. Откидывается на спинку кресла. На секунду тень от лампы делает его лицо жёстче, резче. Потом он наклоняется вперёд снова, и жёсткость становится рабочей, не личной.

— Филатова, — произносит он.

У меня внутри всё собирается в точку. После утреннего разговора фамилия из его уст всё ещё заставляет ждать плохих новостей.

— Да, Родион Викторович?

— На будущее: кофе вы носите в закрытом термостакане. Не в картонном.

Я моргаю один раз. Это конкретное изменение процесса, а не оценка моей личности. С таким я умею работать.

— Приняла, — говорю я.

По тону ясно: увольнять меня прямо сейчас он не собирается. Грудь отпускает чуть-чуть. Я не позволяю себе расслабиться полностью.

— Всё? — спрашиваю я, потому что «две минуты» уже давно закончились.

Он поднимает взгляд. На секунду кажется, что он устал больше, чем может позволить себе показать. Но усталость у него не размазывается по лицу — она собирается в желваках и в тишине между словами.

— Нет, — говорит он. — Сядьте.

Это неожиданно. Я не люблю такие приказы без объяснения: они всегда заставляют гадать, куда закончилась работа и началось что-то другое. Но я подчиняюсь. Беру стул у стены, подтягиваю к столу на расстояние, которое оставляет воздух. Сажусь, кладу руки на колени и жду.

Он молчит несколько секунд и листает мою сводку ещё раз. Потом закрывает папку и кладёт на неё ладонь, как на крышку.

— Вы сегодня… — он медлит, будто выбирает слово и отбрасывает половину. — Вы быстро сориентировались.

От него это почти полноценная похвала.

— Мне проще ориентироваться в документах, чем в людях, — говорю я.

Фраза получается личнее, чем я собиралась, но он не использует её против меня.

— В людях ориентироваться опаснее, — произносит он.

Я не спорю. Потому что спор в этом месте легко превращается в разговор. Я не продолжаю тему. Я встаю.

— Если больше ничего не нужно, я вернусь в приёмную и оформлю заявку на курьера.

Он кивает и снова берёт ручку.

— Оформляйте.

Я делаю шаг к двери, но останавливаюсь. Потому что надо закрыть ещё одну вещь — ту, что висит в воздухе с утра.

— Родион Викторович, — говорю я и заставляю голос остаться ровным. — Документ, который пострадал… я передам его юристам как испорченный экземпляр и приложу акт. Чтобы в архив он не попал.

Он смотрит на меня без эмоций.

— Делайте.

Значит, ошибка остаётся моей ответственностью, но публичную порку он из неё делать не собирается.

Я выхожу и закрываю дверь. Дышать становится легче, но я не стою в коридоре. Я возвращаюсь к столу, оформляю заявку, ставлю напоминание на утро, пишу письмо юристам. Пальцы печатают автоматически. Голова ещё в кабинете.

Свет в приёмной становится мягче. Ночь густеет. Я смотрю на стекло и вижу своё отражение рядом с отражением лампы. В отражении я наконец выгляжу просто уставшей со-

трудницей, а не человеком, которого вот-вот выведут за турникет. Когда я заканчиваю письма, часы показывают почти полночь.

Я поднимаюсь, беру туфли, аккуратно надеваю их, приглаживаю волосы. Дверь его кабинета всё ещё светится тонкой полоской снизу. Значит, он тоже не ушёл. И это странно успокаивает: я не одна в этой ночи.

Я беру папку с финальными распечатками — ту самую сводку, которую он уже видел, — и решаю занести ему один лист, который он попросил добавить: номер заявки на курьера. Номер действительно нужно передать. Я нажимаю кнопку связи.

— Родион Викторович, номер заявки на доставку: 1642. Я внесла в систему.

— Зайдите, — говорит он.

Коротко. Без причины. И у меня снова стягивает грудь: почему сейчас? Что ещё? Я открываю дверь и вхожу.

Родион

Филатова снова входит тихо и кладёт лист точно на свободный край стола. За два дня я уже успел заметить её привычку ничего не бросать и не оставлять на случайном месте.

— Заявка, — говорит она.

— Сюда, — отвечаю я и киваю на стол.

Она кладёт лист и остаётся стоять. Взгляд ровный. Она ждёт, что я отпущу.

Я должен отпустить. День закончился. Ошибка закрыта.

Процессы поправлены. Можно поставить галочку и идти домой — к Алисе, к тишине, к очередному звонку от няни, к вечной проверке температуры.

Но я не отпускаю. Потому что в голове не закрывается другое: как она стояла утром в коридоре. Не оправдывалась и не пыталась спрятать мокрый лист. Сразу после разговора занялась последствиями.

Люди в таких ситуациях обычно начинают суетиться. Говорить. Жаловаться на обстоятельства. Идти по проторенной дорожке: «Это не я». Она пошла другой дорогой: «Это я. Исправляю». Такой сотрудник быстро перестаёт быть просто функцией в расписании.

Я смотрю на лист с номером заявки. Цифры чёткие. Её почерк тоже чёткий.

— Вы остались, — говорю я.

Она просто ждёт продолжения.

— Да, — отвечает.

Я откидываюсь в кресле и смотрю на неё дольше, чем положено начальнику. Я оцениваю не внешность, а её линию поведения: выученная вежливость, за которой всё время чувствуется сопротивление.

Днём на щеке у неё оставалась красная полоса. Сейчас следа нет. Что именно происходило за закрытой дверью дамской комнаты, я не знаю и знать не должен. Достаточно того, что через несколько минут она уже решала проблему.

Я щёлкаю ручкой, чтобы вернуть себя в работу. Щелчок

возвращает внимание к разговору.

— Филатова, — говорю я. — Вы понимаете, что сегодняшняя история может уйти в слухи?

Она не изображает удивления.

— Да.

— И что Ланская использует это при первом удобном случае?

Её губы чуть напрягаются. Она не улыбается, но этого микродвижения достаточно: смысл дошёл.

— Да.

Я смотрю, как она держит руки — спокойно, но слишком ровно. Люди так держат руки, когда внутри всё кипит.

— Тогда вопрос, — произношу я. — Почему вы не написали служебную сразу на неё? По факту столкновения.

Она моргает. Не часто. Один раз.

— Потому что у меня нет доказательств, — отвечает она. — А вы не любите эмоции.

Она произносит это без попытки уколоть, и именно поэтому замечание попадает точнее: два дня, а она уже видит мою привычку через рабочие правила.

— Я не люблю хаос, — поправляю я.

— Это одно и то же, — отвечает она.

Слишком точный ответ для второго рабочего дня. Я молчу секунду, чтобы не выдать лишнего. Потом говорю ровно:

— Идите.

Она поворачивается к двери. И делает это так, как делала

утром: без суеты, без попытки задержаться. Я неожиданно замечаю, что не хочу заканчивать разговор на этой ноте. Я снова щёлкаю ручкой.

— Подождите.

Она останавливается. Не оборачивается сразу. Потом поворачивает голову.

— Да?

— Оставьте флешку, — говорю я.

Она моргает.

— Я уже оставила. Сегодня. На столе.

Я смотрю на стол. Флешка действительно лежит там, где она её положила. Маленькая чёрная полоска на темном дереве. Я действительно забыл, что она уже оставила флешку, и это раздражает больше, чем мелочь заслуживает.

— Хорошо, — говорю я.

Она делает шаг к столу.

— Вам ещё что-то нужно?

— Нет, — отвечаю я и тут же понимаю, что вру. Сам факт, что я ищу ещё один рабочий повод задержать её, мне не нравится.

Я выбираю нейтральное:

— Скажите юристам: если контрагент затянет подпись, пусть сразу подключают договорной отдел и курьера. Не ждите до конца недели.

— Приняла.

Она берёт флешку, но не уходит — смотрит на меня, как

будто проверяет, всё ли. Я киваю.

Она разворачивается к столу ещё раз, чтобы положить флешку обратно. И в этот момент я замечаю: пальцы у неё чуть дрожат.

Не сильно. Не так, чтобы кто-то на совещании увидел. Но я вижу.

И это снова трогает что-то внутри, что не должно трогаться. Дрожь выдаёт только одно: день обошёлся ей дороже, чем она показывает.

— Филатова, — произношу я тише.

Она поднимает голову.

— Вы ели сегодня?

Вопрос получается неожиданно бытовым для нашего разговора. Она на секунду застывает. Потом отвечает так же сухо, как всегда:

— Да.

Я не верю. Но не спорю.

— Идите, — повторяю я.

Она делает шаг к двери. Она уже берётся за ручку двери, когда я снова смотрю на открытую сводку.

Она оборачивается, чтобы закрыть дверь тихо — как всегда. И я вижу её профиль в ламповом свете: упрямый подбородок, натянутые губы, усталость под глазами. Усталость под глазами наконец делает заметным, чего ей стоит эта идеальная собранность.

Я встаю: обновлённые графики проще проверить сейчас,

чем возвращаться к ним утром между встречами.

Я обхожу стол и оказываюсь рядом с ней у ноутбука. Она остаётся стоять, хотя могла бы отступить. Не отступает.

— Откройте файл, — говорю я.

Она нажимает пару клавиш, открывает нужный лист и выводит на экран диаграмму.

— Здесь обновлённая статистика по рынку, — говорит она. — Я добавила источник в примечаниях.

Я наклоняюсь ближе. Смотрю на цифры. Да, источник есть. Да, логика выстроена.

— Здесь ошибка в процентах, — говорю я и тыкаю пальцем в строку.

Она тут же наклоняется тоже, чтобы посмотреть. Мы одновременно наклоняемся к одной строке и оказываемся ближе, чем требуется для обычного просмотра таблицы.

Её плечо почти касается моего. Её дыхание попадает на мою кисть тёплым воздухом. Не специально. Просто так.

— Нет, — говорит она. — Процент верный. Смотрите: база изменилась, потому что…

Она тянет руку, чтобы указать на другую строку.

Марина

Мы стоим у его стола так близко, что я перестаю контролировать воздух между нами.

Родион Викторович наклоняется к экрану, и его рукав почти касается моего. Ткань его рубашки скользит рядом. От него пахнет горьким кофе и чем-то холодным, как ночной

воздух за стеклом. Запах не мягкий, не сладкий — рабочий, как он сам. Я показываю на строку.

— База расчёта изменилась после обновления данных, — говорю я быстро, чтобы голос не выдал лишнего. — Поэтому процент выглядит иначе. Вот здесь исходные числа.

Он тоже двигает руку — и наши пальцы сталкиваются. Коротко. Не удар. Не касание ладонью. Просто — его костяшка задевает мой указательный палец.

На долю секунды я забываю, что собиралась сказать дальше. Моя рука отдёргивается сама. Слишком резко. Я отдёргиваю руку слишком резко и сразу злюсь на эту автоматическую реакцию.

Он тоже убирает руку. Но не сразу. На долю секунды его пальцы остаются рядом с моими, и этой доли секунды хватает, чтобы я её заметила. Мы молчим.

Экран продолжает светиться, диаграмма стоит на месте, курсор продолжает мигать в ячейке.

Я поднимаю глаза на него — и тут же понимаю, что это ошибка. Потому что его взгляд уже не на экран.

Он смотрит на меня. Прямо. Тёмно. Без привычной рабочей пустоты. Он задерживает взгляд дольше обычного рабочего внимания.

У меня пересыхает во рту. Я глотаю, но горло не пропускает нормально. Плечи держатся ровно, но внутри что-то сдвигается: рабочая собранность впервые за день перестаёт помогать.

Он слегка наклоняет голову, словно собирается что-то сказать, но молчит. Его взгляд скользит вниз — на мои губы.

Я замираю, потому что направление его взгляда уже невозможно принять за обсуждение таблицы.

Он поднимает руку — медленно, будто сам не уверен, имеет ли право сократить расстояние. Я остаюсь на месте.

И в этот момент в его кармане резко начинает вибрировать телефон.

Глава 6

Марина

Телефон в его кармане начинает настойчиво вибрировать, возвращая нас обоих к тому, что существует за пределами этого кабинета. Родион Викторович замирает на полдвижения — рука, поднятая ко мне, зависает в воздухе, а потом резко меняет траекторию и уходит вниз. Он отступает на шаг и почти мгновенно возвращает между нами обычную рабочую дистанцию.

— Минута, — бросает он.

И всё. Никаких объяснений. Никаких «извините». Ни одного лишнего взгляда в мою сторону. Лицо снова становится привычно деловым.

Он достаёт телефон, отворачивается к окну. Свет от города выделяет профиль на фоне тёмного окна. Я остаюсь у стола, руки ещё помнят его прикосновение, хотя прикосновение длилось секунду. Ладони всё ещё помнят короткое случайное касание, хотя я уже смотрю только на экран.

Я смотрю на экран ноутбука, на курсор, который мигает, и пытаюсь заставить голову вернуться туда, где ей место: в цифры, источники, слайды. Но тело не слушается. Тело помнит чужое тепло рядом слишком отчётливо.

— Да, — говорит он в телефон тихо. — Повторите.

Пауза. Ещё.

— Нет. Завтра не успеем. — Он говорит ровно, но голос становится ниже. — Перенесли на четверг? Кто перенёс? … Понял.

Я слышу только обрывки. «Инвесторы», «презентация», «утром», «не готово». И понимаю: это и есть причина. Новый внешний удар, который не даёт ему сделать шаг туда, куда он уже наклонился.

Он поворачивается ко мне, убирает телефон в карман, и взгляд у него снова прямой, тёмный, рабочий. Через минуту по его тону невозможно понять, что между нами только что изменилось расстояние.

— Филатова, — говорит он. — Завтра с восьми. Переговорная. Будете делать со мной презентацию для инвесторов.

«Будете делать со мной» звучит почти как наказание. И почти как приглашение. Я не выбираю, что из этого хуже.

— Поняла, — отвечаю я. — Какие материалы нужны?

— Всё, что есть по проекту «Север». Финансы, риски, прогнозы. И ваши сегодняшние сводки по договору тоже. — Он медлит. — Сроки сжали. На подготовку — ночь и утро.

Я киваю. Ночь и утро. Отлично. Я снова в той точке, где время становится врагом. Только теперь враг общий.

— Я соберу, — говорю я. — И проверю цифры по последним платежам.

Он задерживает взгляд на секунду, оценивая, действительно ли я успею собрать всё в срок. Потом коротко кивает.

— И ещё. — Его голос становится чуть жёстче. — То, что

было… минуту назад… забыли.

Во рту сухо. Я могла бы сказать «конечно», могла бы сказать «да», могла бы сказать что-нибудь правильное. Но правильное слово сейчас звучит как ложь. Я выбираю нейтральное.

— Приняла.

Он берёт со стола папку, закрывает ноутбук. Движения точные, быстрые. Он снова строит вокруг себя крепость из задач. Я вижу, как его пальцы сжимают край папки сильнее, чем нужно.

— Идите, — говорит он. — Отдыхайте. Завтра будет тяжело.

Слово «отдыхайте» звучит странно в его устах. Фраза звучит личнее привычного, и он сразу возвращается к рабочему тону. Я не цепляюсь.

— Да, Родион Викторович.

Я выхожу из кабинета, закрываю дверь тихо и остаюсь в приёмной на секунду. Лампа над моим столом бросает круг света на документы. За стеклом — ночь, и офис выглядит чужим аквариумом: всё видно, но дышать сложно.

Я собираю материалы «Север»: папки, отчёты, письма, доступы. Проверяю, чтобы ничего не зависло у юристов, чтобы финансы дали актуальные цифры. Я держу себя в руках не потому, что мне легко. Потому что если я не удержу, всё снова превратится в «ты никто».

Когда я наконец выхожу из офиса, в лифте зеркала пока-

зывают лицо, которое держится. И глаза, которые не умеют забывать по приказу.

Родион

Я не должен был наклоняться. Не должен был поднимать руку. Не должен был смотреть на её губы.

Телефон спасает, возвращая меня туда, где я умею жить: в задачи и контроль.

Перенесли встречу с инвесторами. На два дня раньше. Кто-то на той стороне говорит «так получилось», «они в городе», «окно». Мне плевать, как получилось. Я вижу только одно: если презентация будет сырой — это удар по компании. По моему имени. По безопасности Алисы. Всё связано, как узлы на одном канате.

Я кладу трубку и смотрю на Филатову. Она стоит у стола с ровным лицом, только напряжение в руках выдаёт усталость. Она тоже понимает, что произошло: внешний удар. Новая причина. Оправдание, которое можно использовать, чтобы отступить без объяснений. Я использую.

— Завтра с восьми, — говорю я. — Переговорная.

Слова выходят ровно. Я не оставляю места для личного. Личное здесь не просто лишнее — оно опасное. Я уже видел, как быстро оно прорастает через трещину.

«То, что было… забудьте», — добавляю я. Жёстко. Не потому, что хочу унизить. Потому что иначе мне придётся признать, что я тоже не забыл. А признание — это слабое место. Она отвечает коротко. Хорошо.

Я остаюсь один, закрываю ноутбук, ставлю чашку в мойку, вызываю охрану, чтобы не задерживали клининг на нашем этаже: мне нужен тишина. Мне нужен воздух без чужих шагов.

В голове всё равно держится её рука рядом с моей. Тепло короткое, нелепое, как искра от статического электричества — и всё же оно выбивает из ритма.

Я возвращаюсь к списку данных, проверяю цифры и ещё раз пересчитываю прогноз. Вопросы выстраиваются в колонны. Так я успокаиваю себя.

Ночью мне звонит няня — Алиса спит, температура нормальная. Я выдыхаю так, будто до этого не дышал. И снова думаю: нельзя терять контроль. Нельзя позволять себе лишнее. Лишнее заканчивается потерями.

Утром я приезжаю в офис раньше обычного. Восемь ноль пять я уже в переговорной. Восемь ноль семь входит Филатова — с ноутбуком, папками, и с тем же лицом, будто вчерашней секунды у моего стола не было. Молодец. Опасная.

— Садитесь, — говорю я.

Она садится напротив. Мы открываем ноутбуки, раскладываем бумаги. Между нами стол и экран, и это хорошо. Это дистанция, которую можно контролировать.

— Начинаем с структуры, — говорю я. — Вступление: кто мы, что предлагаем. Потом цифры. Потом риски и как мы их закрываем.

— Согласна, — отвечает она. — Но сначала надо решить:

мы продаём проект или мы продаём вас как гарантию.

Её фраза режет слух. Слишком точная. Слишком дерзкая для секретаря. Я поднимаю глаза.

— Объясните.

Она не теряется.

— Инвесторам важны цифры. Но ещё важнее — уверенность, что вы удержите проект в срок. Они покупают вашу способность держать порядок.

Я сжимаю челюсть. Она говорит о моём контроле так, будто знает цену. А цену знает только тот, кто уже платил.

— Пишите, — говорю я. — Вставим блок про управление.

Она быстро печатает. Ногти тихо стучат по клавишам. В комнате пахнет озоном от техники и кофе, который кто-то уже принёс. Я смотрю на слайд, который она выводит на экран, и ловлю себя на том, что мне хочется сказать «неплохо». Я не говорю.

— Дальше цифры, — произношу я. — И уберите эти цвета. Слишком… — я ищу слово и не нахожу. — Ярко.

— У вас аллергия на всё, что похоже на жизнь? — спрашивает она ровным тоном и тут же добавляет, не давая мне времени зацепиться: — Поняла. Уберу.

Вот как она делает это: колкость — и тут же формальность. Щит. Она держит себя, как держат лезвие в ножнах.

Мы двигаемся по слайдам. Я правлю формулировки, она выравнивает структуру, поднимает источники. Я кидаю ей цифры, она проверяет. Я требую лаконичности, она выкиды-

вает лишнее.

И всё равно каждый раз, когда она наклоняется к моему экрану, я чувствую её присутствие как давление воздуха. Не словами. Плечом. Теплом.

К полудню у нас готов костяк. К вечеру — почти всё. Почти — слово, которое я ненавижу.

— Здесь прогноз по выручке, — говорю я и показываю на таблицу. — Мы берём рост на шесть процентов за квартал.

Она смотрит, не веря, и пальцем проводит по строкам.

— Здесь база не та, — говорит она. — Если вы берёте рост, вы должны поменять исходную величину. Иначе цифра раздута.

Я поднимаю взгляд.

— База правильная.

Она не отступает. Она не говорит «может быть». Она открывает файл, выводит формулу и набирает несколько значений.

— Вот. — Она разворачивает экран ко мне. — Если взять корректный показатель, разница по итогу — двести тысяч долларов.

Двести тысяч. От её замечания я мгновенно собираюсь и проверяю расчёт ещё раз. Не от злости на неё — от злости на себя. Просчёт. В моей таблице. Я резко выдыхаю.

— Вы уверены?

— Да, — отвечает она. — Проверьте сами.

Я проверяю. Она права. Ладонь сжимает ручку так силь-

но, что пластик скрипит. На секунду хочется сорваться и сказать что-то резкое — чтобы вернуть контроль, чтобы вернуть себе ощущение, что я главный. Но она не играет в власть. Она играет в результат.

Я киваю.

— Исправляйте.

Она исправляет. Быстро. Без торжества. Это бесит ещё сильнее: она не наслаждается моей ошибкой. Она просто делает.

К вечеру мы остаёмся одни на этаже. Свет в коридоре становится мягче, звук шагов исчезает. В переговорах только мы, техника и город за стеклом. Огни Москвы дробятся в стекле на мелкие отражения.

Я ощущаю усталость в плечах и не позволяю ей победить. Усталость — враг. Особенно когда дома ждёт Алиса, и я должен быть отцом, а не развалиной.

Я смотрю на Филатову. Она сидит с прямой спиной, но пальцы у неё уже двигаются медленнее. Губы сухие, она облизывает их коротким движением, будто это тоже пункт плана. Волосы выбились из узла на пару прядей, и она не поправляет их — экономит движения.

— Еда, — говорю я.

Она поднимает глаза.

— Что?

— Вы ели?

Она уже собирается согласиться, но в последний момент

молчит. Хорошо. Она не врёт мне в лицо.

— Нет, — говорит она наконец. — И вы тоже.

Я беру телефон, набираю службу доставки.

— Привезите сюда. Быстро. Два набора. — Я закрываю линию и только потом смотрю на неё. — Что будете?

Она слегка приподнимает бровь; в выражении лица появляется знакомая сухая насмешка.

— Такие, как я, питаются только нектаром и амбициями?

Я коротко хмыкаю. Не смеюсь. Просто выдыхаю.

— Похоже.

Она не отрывает глаз от экрана.

— Спасибо, я предпочитаю пищу, которую можно пережёвывать. В отличие от ваших замечаний.

Колкость попадает точно. Я ощущаю, как уголок губ дёргается. Почти улыбка. Почти. Я гашу её и киваю.

— Договорились.

Еду приносят быстро. Мы едим молча, каждый над своим ноутбуком. Кофе горчит. Техника греется. Озон в воздухе становится плотнее, как туман.

Ночь тянется, но в какой-то момент я ловлю странное: мы двигаемся в одном ритме. Я говорю — она делает. Она показывает — я принимаю. Мы не обязаны друг другу симпатией, но мы обязаны результатом. И это связывает крепче, чем любые слова. К часу ночи презентация готова. Почти. Снова почти.

— Остался один слайд, — говорит она.

— Делайте, — отвечаю я.

Она печатает, не поднимая головы. Я встаю, чтобы размять спину, и подхожу к окну. Внизу город живёт, горит, шумит — без нас. Здесь, на высоте, только стекло и тишина.

Я слышу её дыхание. Ровное. Сдержанное. Она держит себя так же, как я держу себя. И вдруг понимаю: это не просто секретарь. Это человек, который тоже строит крепость. Только не из бизнеса, а из компетентности.

Я возвращаюсь и останавливаюсь за её креслом. Не касаюсь. Просто стою. Тепло моего тела попадает ей на спину, и она чуть замирает, но не оборачивается.

— Филатова, — говорю я тихо.

Она не двигается. Только пальцы на клавиатуре замолкают на секунду.

— Да, Родион Викторович?

Я смотрю, как она выравнивает последние строки, и понимаю, что раздражает меня уже не ошибка и не спор, а сама её способность не уступать автоматически. Она выводит меня из равновесия. Она не ломается. Она отвечает. Она держит удар.

И я произношу то, что вертится на языке весь день, весь этот аврал, эти цифры, эти её точные замечания и колкие ответы.

— Вы — самая невыносимая женщина, Филатова, которую я когда-либо нанимал.

Глава 7

Марина

— Родион Викторович, возможно, наша новая сотрудница ещё не до конца освоилась и поэтому допустила эту досадную оплошность… — голос Полины Борисовны звучит почти ласково, но формулировка слишком аккуратно превращает меня в неопытную новенькую.

Я сижу ближе к концу стола, ровно там, где мне и положено быть: между проектором и стеной, рядом с розетками и чужими проводами. Папку на коленях я держу чуть крепче обычного. Шею обдаёт жаром от раздражения. Она подаёт меня как новичка, который путает кнопки и проливает кофе на клавиатуру, хотя речь идёт о цифрах, которые её отдел сам же и перевернул.

В зале совещаний тихо так, что слышно, как кто-то скребёт ногтем по крышке планшета. Несколько человек смотрят в мою сторону: кто-то с любопытством, кто-то просто потому, что публичная ошибка всегда интереснее очередного слайда. Я не открываю рот.

Я смотрю на экран, где висит таблица с показателями по рекламной кампании. Вчера вечером эти цифры выглядели иначе. Я помню их на ощупь. Я помню, как они складывались, как бегали по столбцам, когда я проверяла. Сейчас в одном из столбцов стоит значение, которое не стыкуется с

базой. Неправильная строка. Неправильная сумма. И Полина строит из этого спектакль.

Она переводит взгляд на меня — и улыбка становится ещё слаще.

— Я уже дала Марине Глебовне рекомендации, как всё быстро исправить, — продолжает она. — Думаю, на первых порах…

«На первых порах». Я сжимаю зубы, чтобы не отреагировать лицом. Потому что если я выдам хоть одну эмоцию — она подхватит и сделает из неё доказательство моей «несостоятельности». Молчу.

Родион Викторович сидит во главе стола. Плечи неподвижные, спина ровная. Он смотрит в планшет и не реагирует ни на одну интонацию Полины. Его молчание давит не хуже голоса Полины: оно оставляет меня без опоры. Если он сейчас решит, что проще списать проблему на меня, чем разбираться, — он сделает это молча. Полина чуть наклоняется вперёд.

— Разумеется, ответственность на мне как на руководителе блока, — произносит она, и я почти слышу, как она сама себе аплодирует. — Но хотелось бы, чтобы в будущем при подготовке материалов для совета директоров мы…

Один из руководителей напротив явно ждёт, стану ли я оправдываться. Я не даю ему этого зрелища.

Под столом я меняю хват на папке, чтобы не было видно дрожи в руках. Не заметно. Я прижимаю их к картону силь-

нее. Бесполезный способ занять руки, зато дрожь меньше заметна.

В голове вспыхивает простая мысль: скажи правду. Скажи, что не ты меняла цифры. Скажи, что это было после того, как ты отправила согласованную версию. Скажи — и будет справедливо.

Но справедливость здесь никогда не звучит одна. За ней всегда тянется хвост: «вы оправдываетесь», «вы конфликтуете с начальником отдела», «вы новичок и уже спорите». В этой комнате любой спор с Полиной — проигрыш, даже если ты права. Я молчу.

Родион Викторович наконец поднимает глаза от планшета. Не на меня — на Полину. Взгляд у него ровный, холодный. Полина продолжает улыбаться той самой корпоративной улыбкой, которую обычно оставляют для вручения премий.

— Полина Борисовна, — говорит он.

Два слова. И в зале что-то меняется: воздух становится плотнее, лица подтягиваются, кто-то перестаёт листать телефон. На фоне вдруг становится слышен ровный шум кондиционера. Полина расправляет плечи.

— Да, Родион Викторович?

Он не отвечает сразу. Секунда тишины, и эта тишина звучит громче её речи. Потом кладёт планшет на стол и смотрит прямо на руководителя отдела.

— Судя по логам правок, «оплошность» была допущена

вашим заместителем вчера в 17:04. — Его голос не повышается ни на полтона. — А «новая сотрудница» в два часа ночи отправляла вам на почту исправленную версию.

У Полины на долю секунды замирает лицо. Улыбка ещё держится, но она становится похожей на трещину на стекле: вроде всё целое, но уже видно, куда ударили.

В зале кто-то тихо втягивает воздух. Меня удивляет не защита сама по себе, а точность: он называет время правки без паузы и без попытки смягчить формулировку. 17:04. Два часа ночи. Он не «слышал где-то». Он знает.

Я перевожу взгляд с него на Полину и обратно. Голова отказывается принимать. Полина быстро моргает и тут же собирается.

— Родион Викторович, возможно, произошла путаница в версии файла… — она пытается сохранить мягкость, но голос становится суше. — Мы же работали параллельно, и Марина Глебовна…

Он прерывает её одним коротким движением руки — не грубо, просто останавливает поток.

— Параллельно не значит хаотично, — говорит он. — Вам отправили исправления. Вы их не внесли. На этом вопрос закрыт.

Полина открывает рот, чтобы возразить, но не произносит ни звука. Улыбка на её лице держится ещё секунду, а потом исчезает.

Я не двигаюсь. Я сижу с папкой на коленях и ощущаю,

как под кожей бьётся кровь. В ушах шумит. Я должна бы почувствовать облегчение — и оно приходит, но не мягко, а ударом: как если бы кто-то резко снял с плеч рюкзак, к которому ты уже привыкла.

Сразу становится опасно: если мне стало легче, значит, мне не всё равно. Значит, я позволила этому человеку повлиять на меня сильнее, чем надо. Родион Викторович переводит взгляд на экран.

— Дальше по повестке, — бросает он.

И всё. Никаких «молодец», никаких взглядов на меня, никаких жестов. Он просто возвращает совещание к повестке, словно этот эпизод был обычной проверкой фактов.

Полина не шевелится. Полина сжимает ручку сильнее, но выражение лица не меняется.

Я чувствую на себе взгляды — теперь другие. Уже не те, что искали во мне слабое место. Эти ищут объяснение: почему генеральный вмешался? Почему не дал Полине спокойно «объяснить»?

Я опускаю глаза на папку и делаю вид, что читаю. Слова на бумаге расплываются. Я слышу только его голос: «в два часа ночи». Он заметил. Он не мог не заметить, если произнёс так точно.

Я пытаюсь удержаться в привычном: это было не про меня. Это было про порядок. Про правила. Про то, что он не переносит хаоса. Всё.

Но тело уже реагирует иначе. Тепло поднимается к горлу,

а потом резко остывает. Я сглатываю; в горле сухо и неприятно царапает.

Совещание продолжается. Кто-то докладывает по продажам, кто-то по логистике. Я записываю, киваю, передаю документы. Руки работают автоматически. Внутри у меня стоит один вопрос, который я не задаю вслух: почему он это сделал?

Ему было бы проще промолчать. Дать Полине закончить, сделать вид, что он «принял к сведению», а потом спросить меня наедине, кто виноват. Он мог бы отложить разбор. Он мог бы оставить меня один на один с её публичной улыбкой.

Но он остановил её в моменте. На фактах. При всех.

Один раз, переводя глаза на лист с цифрами, он коротко встречается со мной взглядом и тут же возвращается к документам. Взгляд не ищет моей реакции. Взгляд работает.

Меня почему-то задевает, что для него это выглядит обычным рабочим решением, а для меня меняет весь разговор. А я не могу выкинуть.

Совещание заканчивается резко, как у него принято: без «всем спасибо», без «приятного дня». Люди встают одновременно, стулья шуршат, планшеты хлопают крышками. Шум возвращается в зал, как вода после открытого шлюза.

Я собираю бумаги медленно. После совещания руки ещё немного дрожат, и скрепка дважды цепляется за край бумаги. Вдох, чтобы остановить дрожь. Сухой воздух кондиционера царапает нос.

Коллеги проходят мимо, бросают взгляды — короткие, оценивающие. Кто-то задерживается глазами дольше, кто-то демонстративно смотрит в телефон. Полина идёт первой. Спина ровная, походка уверенная. Она не оборачивается. Но я чувствую её присутствие, как запах: сладкий, тяжёлый, раздражающий. Я складываю папку, закрываю блокнот, беру планшет. Встаю.

Родион Викторович выходит из-за своего места не спеша. Он всегда выходит последним, чтобы не обходить людей. Он двигается, как человек, которому не нужно торопиться, потому что всё равно все подстроятся под него.

Я стою чуть в стороне, чтобы не оказаться на пути. Мне не нужно привлекать внимание. После такого любая лишняя секунда рядом с ним станет пищей для разговоров.

Проходя мимо, он оказывается на расстоянии вытянутой руки; я успеваю уловить запах кофе и его сухого парфюма. Он не смотрит на меня. Не замедляет шаг.

И именно в этот момент он говорит тихо, только для меня.

— В следующий раз — докладывайте о таких вещах сразу мне.

Я успеваю только моргнуть. В груди что-то дергается, и воздух на секунду не проходит.

Он идёт дальше, не оборачиваясь. Для него разговор закончен.

Я остаюсь с папкой в руках и понимаю, что после этого совещания отношение к нему уже не вернётся точно в ис-

ходную точку.

Потому что «докладывайте» — это не про отчёты. Это про то, что он предлагает мне правило. Новый способ действовать. И это правило звучит слишком… личным для человека, который обычно не даёт личного даже своим заместителям.

Я выхожу из зала совещаний последней. В коридоре шум глушится ковром, а стеклянные стены отражают лица. В отражении я выгляжу бледной и до смешного собранной. И вижу, как люди по пути делают вид, что идут по своим делам, но чуть замедляют шаг, когда я прохожу. Они уже придумали версию, почему генеральный вмешался.

Я тоже пытаюсь придумать. И ни одна версия не звучит безопасно.

В приёмной пахнет бумагой и озоном. Мой стол встречает меня, как укрытие: здесь всё по местам, здесь есть клавиатура, календарь, телефон, в котором можно спрятаться за стандартной фразой.

Я сажусь, включаю монитор, открываю почту. Письма, задачи, напоминания. Мир возвращается в привычный формат: входящие, исходящие, сроки.

Но внутри всё ещё стоит его голос: «в два часа ночи». Он видел. Он помнит. Он держит в голове мои действия. Значит, я для него не просто фон.

Эта мысль пугает. Потому что фон — безопасно. Фон не трогают. Фон не замечают. Фон не делают объектом чужих

игр.

Я открываю вчерашнюю переписку с Полиной. Нахожу то письмо, которое отправляла ночью. Там время стоит. Там файл прикреплён. Я смотрю на строку, и у меня снова сжимается горло: я действительно отправляла. И она действительно получила. И всё равно сегодня говорила, что я «не освоилась».

Я закрываю письмо и тут же открываю календарь. На сегодня ещё два звонка, один визит, подготовка к завтрашней встрече. Я цепляюсь за это, как за поручень в лифте: движение по расписанию помогает не думать. Телефон звонит. Я беру трубку мгновенно.

— Приёмная генерального директора, Марина Филатова.

— Марина Глебовна, — слышу голос из финансового отдела. — Мы уточнили цифры по «Северу». Вам отправили обновление?

— Уже вижу, — отвечаю я и открываю вложение. — Спасибо. Передам Родиону Викторовичу.

Слово «спасибо» вылетает само, и я тут же ловлю себя: он не любит, когда я благодарю. Не потому, что он против вежливости. Потому что в его мире это лишнее слово. В его мире лишние слова создают шум.

Я стираю «спасибо» из головы и заменяю на действие: пересылаю файл, делаю пометку, ставлю задачу.

Через стекло кабинета я вижу силуэт Родиона Викторовича. Он ходит по комнате, говорит по телефону, останавлива-

ется у окна. Движения резкие; на каждом развороте пиджак коротко дёргается.

Мне хочется — очень быстро, очень глупо — снова почувствовать то, что было вчера в переговорной ночью, когда он сказал «невыносимая». Не как комплимент. Как признание, что я его задеваю. А значит — живая. Я отталкиваю мысль. Личные мысли здесь опасны.

Вместо этого я печатаю письмо юристам, уточняю статус по замене листа, ставлю напоминание по курьеру. Работа возвращает меня в тело, как якорь.

Потом дверь кабинета открывается, и он выходит. Не ко мне — в коридор. Но шаги направлены к приёмной.

Я поднимаюсь. Это автоматизм. Это часть роли. Это то, что я умею — быть на месте до того, как меня позовут. Он останавливается у моего стола.

— Дайте материалы по «Северу», — говорит он.

Я протягиваю папку и флешку. Пальцы касаются края его ладони — случайно, быстро. Меня снова прошивает ток, как вчера. Я отдёргиваю руку раньше, чем успеваю подумать.

Он, кажется, не замечает. Или делает вид, что не замечает.

— И ещё, — добавляет он и смотрит на мой экран. — Письмо от Полины с пояснениями пришло?

— Нет, — отвечаю я ровно. — Пока нет.

Его взгляд темнеет.

— Если не придет до вечера — напомните. Письменно.

— Будет сделано.

Он разворачивается, но я успеваю сказать ещё одно — и голос сам выбирает тон, который не должен звучать у секретаря к генеральному. Слишком прямой. Слишком… человеческий.

— Родион Викторович.

Он останавливается, не оборачиваясь сразу.

— Что?

Пауза, чтобы не превратить вопрос в эмоцию. Внутри всё ещё дрожит после совещания. Но я всё равно произношу:

— Вчерашнее письмо… вы правда его читали?

Он поворачивает голову медленно. Взгляд прямой.

— Я всё читаю, что касается моего бизнеса, — говорит он. — В том числе то, что люди пытаются спрятать за чужими спинами.

Слова бьют ровно в цель. Не только про Полину. Про меня тоже.

Он уходит, оставляя после себя тишину и запах кофе.

А я остаюсь стоять у стола и понимаю: сегодня произошло не просто «справедливость». Сегодня он показал, что видит игру. И он не даёт играть безнаказанно. И это меня пугает ещё сильнее.

Потому что если он видит игру — значит, он видит и меня. Со всеми моими трещинами. Со всеми попытками не выдать себя. Со всеми ночными письмами, которые я отправляю не потому, что люблю переработки, а потому, что не умею иначе выживать.

Я сажусь и снова берусь за клавиатуру. Я снова берусь за клавиатуру: работа лучше всего возвращает мне нормальный ритм.

Под привычной вежливостью остаётся новое и пока неудобное ощущение: сегодня рядом оказался человек, который не спасал меня, а просто не позволил подменить факты.

Я не позволяю себе назвать это словом. Слова делают это настоящим.

Я просто открываю новый документ и начинаю готовить письмо, которое Полина обязана будет получить — с требованием дать письменные пояснения по внесённым правкам.

Если она хотела сделать из меня «досадную оплошность», то теперь она получит бумагу. С датой. С временем. С подписью. И пусть попробует улыбнуться в ответ.

Глава 8

Родион

Ноутбук открыт, USB-порт пуст, а до подключения инвесторов остаётся несколько минут.

Я вставляю флешку ещё раз, хотя флешки нет. Я по привычке тянусь к месту, где должна быть флешка, и только тогда окончательно понимаю, что её нет.

На экране — заставка видеоконференции. До подключения инвесторов остаётся семь минут. В переговорной пахнет нагретой техникой и свежим кофе; оборудование уже включено. За стеклом коридора люди ходят тихо: мой этаж уже знает, что сегодня нельзя мешать.

Я откидываю крышку кейса, где всегда лежит резервная флешка. Кейса нет. Он дома, в сумке, которую я оставил у кресла в гостиной. Я сразу вспоминаю, где оставил её дома: сумка, ремень, мои ключи рядом, и Алиса, которая вчера просила показать ей «ту красивую картинку» на ноутбуке. Я тогда закрыл экран и сказал, что позже. Позже не наступило, наступило утро.

Сейчас на сожаления нет времени. Я набираю внутренний номер, не глядя на телефон. Говорю ровно, хотя напряжение уже отзывается под рёбрами.

— Мне нужен системный администратор. Немедленно.

Пауза. Потом — шаги у двери. Входит парень из IT без

имени, с ноутбуком и этим выражением лица «я уже видел всё». Он смотрит на порт USB, на экран, на часы.

— Что случилось?

— Финальная версия презентации — на флешке. Флешки здесь нет, — говорю я. — Найдите её в офисе. Прямо сейчас.

Он не задаёт лишних вопросов. Хорошо. Время — дороже объяснений.

— Она могла остаться в кабинете? — уточняет он.

— Она могла остаться дома, — отвечаю я и слышу, как в голосе появляется металл. — Но вы ищете здесь.

Он кивает и вылетает из переговорной. Дверь за ним закрывается почти бесшумно.

Я сажусь, открываю почту, внутренний диск, облако, где лежат рабочие документы. Пальцы быстро пробегают по папкам. Но я знаю: финальная версия была именно на флешке. Я сам так решил — «чтобы не зависеть от сети». Вот и не зависим. Чёрт.

На телефоне вспыхивает уведомление от юристов: «Миноритарный пакет: продавец подтвердил окно до пятницы». Я смахиваю его, не открывая. Эту сделку мы ведём третий месяц. Следом висит короткое сообщение от Вересаева: «По старому аудиторскому хвосту с подрядчиками совета две связки подтвердились. Остальное позже». Это тоже не сегодняшний пожар. Оба вопроса подождут семь минут. Инвесторы — нет.

В стеклянной стене отражается моё лицо. Никакой пани-

ки, никакой дрожи. Только желваки. Маска на месте, потому что в этом здании маска — это броня. И всё же ладони становятся влажными. Ненавижу это. Дверь снова открывается. Входит Филатова.

Она должна была быть в приёмной. Она должна была быть «функцией». Но она стоит в проёме с папкой под мышкой и ноутбуком в руках, как человек, который пришёл не за разрешением, а за задачей.

— Вы просили финансы по «Северу», — говорит она и кладёт папку на край стола так, чтобы не перекрыть камеру.

Её взгляд цепляется за пустой порт. На долю секунды — и этого достаточно. Пальцы сразу тянутся к ноутбуку. Слишком быстро.

Я не объясняю. Не хочу объяснять. Любое объяснение — признание ошибки.

— Нам нужна флешка, — говорю я коротко.

Она не задаёт «как так». Она делает шаг ближе и смотрит на экран таймера.

— Сколько времени?

— Шесть минут, — отвечаю я.

Филатова ставит ноутбук на стол рядом и одним движением открывает крышку. Пальцы быстрые, точные.

— Вчера вы просили меня сделать резервную копию в облако, — говорит она, не глядя на меня. — Я сделала. На случай, если что-то… — она запинается на слове и тут же режет его, — если понадобится.

Я смотрю на неё и принимаю решение. Вчера я бросил это между делом, как ещё один пункт в списке. Не приказал даже — просто сказал. Она услышала. Она сделала. Она удержала.

— Открывайте, — говорю я.

Она уже открывает. Мышь скользит по столу, клавиатура тихо стучит. На экране появляются папки, ссылки, документы. Она не смотрит на меня. Она смотрит в задачу.

Я слышу, как у меня становится ровнеё дыхание, и злюсь на себя за это. Зависеть от чужих действий — слабость. Но сейчас слабость или нет — мне всё равно. Мне нужен результат.

Марина

Его просьба вчера вечером — «сделайте копию на облако» — тогда звучала как очередной пункт из бесконечной цепочки задач. Я сделала, потому что умею делать. И потому что в этом офисе любая «на всякий случай» превращается в «спасло жизнь». Только слово «спасло» я даже в голове не произношу. Слова делают вещи настоящими, а мне сейчас нужно, чтобы настоящим было только действие.

Родион Викторович стоит у стола с прямой спиной, хотя усталость уже видна по лицу. Взгляд прыгает с пустого порта на часы, потом на дверь. Он не дёргается и не повышает голос — просто становится ещё жёстче.

Я открываю ноутбук и подключаюсь к корпоративной сети. Время заканчивается: камера включена, микрофоны готовы, на панели уже горят красные индикаторы. Я слышу

в ушах вчерашнюю фразу Родиона Викторовича: «без этих данных всё пропало». Тогда он сказал это в контексте таблицы, но мозг запомнил слово «всё». У «всего» должна быть страховка.

Я нахожу папку «INVEST». Внутри — десятки файлов. Черновики, версии, «финал_2», «финал_последний», «точно_последний». Я глотаю сухой воздух и заставляю себя не материться даже мысленно. В такие моменты мир превращается в чужой хаос, и единственный способ выжить — построить порядок руками.

— Какая дата правки? — спрашиваю я, не поднимая головы.

— Вчера. После полуночи, — отвечает он.

Я фильтрую по времени. Вижу файл с нужным названием. Секунда — и он уже загружается из облака. Полоса прогресса ползёт медленно, издевательски. Я замечаю, что постукиваю пальцами по столу, и сразу прекращаю. Контроль.

— Сеть тормозит, — говорю я и сама слышу в голосе напряжение.

— Мне не интересно, почему, — отвечает он. — Мне нужно, чтобы оно открылось.

Он говорит это не мне лично. Он говорит миру. Но мир сейчас — мой экран.

Полоса доходит до конца. Файл открывается. Я выдыхаю и тут же приказываю себе не выдыхать громко: любые эмоции тут же срывают руку.

Я разворачиваю презентацию на главный экран и проверяю слайд с ключевыми цифрами. Всё на месте. Графики ровные, таблицы собраны без лишнего оформления.

— Есть, — говорю я.

Слово звучит заметно теплее, чем мой обычный рабочий тон. Я тут же гашу голос.

— Запускаю демонстрацию.

Он садится. Плечи ровные. На столе лежит его ручка. Он берёт её, щёлкает один раз. Этот щелчок всегда делает воздух тоньше. Я слышу его как команду: «собрались».

На экране появляются первые участники. Иностранные фамилии, флажки, серые кружки аватаров. Кто-то включает камеру — чужое лицо, чужая улыбка, чужая уверенность. Под лопатками выступает пот: через несколько минут ошибка станет видна всей переговорной. Если я сейчас ошибусь с кнопкой, он не ошибку запомнит — он запомнит меня.

Я ставлю демонстрацию и отхожу на шаг назад, чтобы не попадать в кадр. Стеклянная перегородка отражает меня: тёмное пятно на фоне света. Я становлюсь тенью, как умею, но тень тоже может держать линию.

— Добрый день, — говорит Родион Викторович по-английски, и язык у него звучит так же рублено, как русский: коротко, чётко, без лишнего. Он смотрит прямо в объектив, не отводя взгляда. — Thank you for joining on such short notice.

Я слышу, как он ведёт разговор, как задаёт тон, как не да-

ёт ни одной паузе провиснуть. Он держит презентацию, как держат оружие: уверенно, привычно. Но я вижу то, чего не видят они: как его пальцы чуть сильнее сжимают ручку, когда он переходит к цифрам. Он не любит неопределённость. А сегодня неопределённость подошла слишком близко.

Я готова к любому сбою. Клик — следующий слайд. Клик — ещё. Всё идёт ровно.

До того момента, пока один из инвесторов не задаёт вопрос по графику, которого нет в текущей версии.

— Could you please show the slide with the alternative scenario? — звучит в динамиках.

Я замираю. Альтернативный сценарий… Он был в одной из старых версий. Я помню: тонкий слайд, серый график, комментарии внизу. В финале Родион Викторович его убрал, потому что не любит «альтернативы». Он любит один план и железную реализацию.

Родион Викторович делает паузу. Камера ловит его лицо. Он улыбается очень слабо — ровно настолько, чтобы выглядеть вежливо.

— Of course, — отвечает он. — One moment.

И на меня ложится этот «one moment» как приказ.

Я быстро сворачиваю презентацию, открываю папку, ищу старую версию. Пальцы двигаются по клавишам почти автоматически — я слишком хорошо знаю эту структуру файлов. Нашла. Открыла. Нашла нужный слайд. Копирую. Вставляю в финал. Сохраняю под тем же именем. Секунда. Две.

Родион Викторович тем временем говорит — не останавливаясь, заполняя паузу словами, которые успокаивают аудиторию. Он умеет вести разговор так, что никто по голосу не понимает, насколько близко мы подошли к срыву.

Я возвращаю демонстрацию и вывожу нужный слайд на экран.

— Here, — произносит он и чуть кивает, не глядя на меня.

Но я вижу его движение боковым зрением. Он понял. Он принял. Он не спрашивает, как я это сделала. Он просто продолжает.

В этот момент понимаю: я уже не просто стою рядом. Моя работа встроилась в его работу и действительно помогает.

Почти час проходит, как один длинный вдох. Вопросы, ответы, цифры, уточнения. Каждый клик становится точкой на карте. Ошибка невозможна.

Когда последняя камера гаснет и на экране остаётся пустой список участников, в переговорной становится слышно, как работает кондиционер. Воздух сразу кажется плотнее, потому что он больше не занят чужими голосами.

Родион Викторович опускает ручку на стол. Она стукается о дерево глухо. Он задерживает взгляд на экране, проверяя, не возникнет ли новая проблема. Не всплывает. Я делаю шаг ближе.

— Презентация сохранена, — говорю я. — Я отправлю запись в архив и в юротдел, если нужно.

Он медленно поворачивает голову ко мне. Взгляд у него

не холодный сейчас. Усталый. И в этой усталости есть что-то опасное: в ней меньше стен.

— Не надо юротдел, — говорит он. — В архив — да.

Я киваю и уже тянусь к клавиатуре, чтобы закрыть задачу, поставить галочки, вернуть себе привычный ритм. Я отвожу глаза первой и возвращаюсь к задаче. Но он говорит снова:

— Филатова.

Я замираю.

— Да, Родион Викторович?

Он не встаёт. Не делает театральных жестов. Просто смотрит на мою ладонь, которая лежит на краю стола рядом с мышью, и медленно, непривычно осторожно накрывает её пальцами.

Его ладонь тёплая и сухая. Касание короткое, но слишком осознанное, чтобы принять его за случайность.

Я не отдёргиваю руку сразу. Несколько секунд просто стою, не понимая, что будет правильнее — убрать ладонь или оставить как есть.

Он смотрит мне в глаза, и в этом взгляде впервые нет приказа.

— Спасибо, — говорит он.

Глава 9

Марина

Детский смех в приёмной настолько непривычен, что я не сразу понимаю, откуда он доносится.

Успеваю поднять голову от календаря только на второй перелив — и уже поздно прятаться за монитор. В стекле переговорной отражается маленькая фигура в яркой куртке, а рядом — высокая тень в темном пальто, которую даже охрана пропускает без вопросов. Родион Викторович.

Он открывает дверь в приёмную и пропускает девочку вперёд. На его руке — тонкие пальцы девочки. Она держится уверенно и с явным интересом осматривает незнакомое пространство.

И все равно — ребенок в приемной генерального директора. Для ребёнка в приёмной генерального у меня действительно нет готового регламента.

— Филатова, — говорит он и отпускает руку девочки только для того, чтобы снять с нее шапку. Голос ровный, деловой — тот же, что на рабочем звонке, хотя рядом с ним шестилетняя дочь. — Няня заболела. Алиса побудет здесь.

Не «может», не «если вы не против». Констатация, которую нужно принять.

Встаю. Стул не скрипит — я заранее затянула крепления, когда в первый день поняла: звук тут может стать поводом

для замечания. Я кладу ладони на стол, чтобы не выдать внезапное напряжение.

— Добрый день, Родион Викторович. — Перевожу взгляд на девочку. — Здравствуй, Алиса.

Девочка оценивает меня не так, как взрослые. Взрослые сначала ищут должность, затем слабость. Она ищет простую вещь: безопасно ли здесь.

У нее светлые волосы, собранные резинкой, щеки с легким морозным румянцем. От куртки тянет холодом улицы, а от волос — чем-то чистым, детским, с ноткой шампуня. В моем офисном мире пахнет озоном, кофе и дорогими духами. Ее запах — из другого мира.

— Папа сказал, ты тут главная, — сообщает Алиса и ставит на мой стол маленький рюкзак.

«Главная» — это смешно и опасно одновременно. Ощущаю, как дергается уголок губ, но удерживаю лицо.

— Я здесь работаю, — отвечаю я. — А главный — папа.

Она смотрит на отца и ждёт подтверждения. Родион Викторович уже снимает пальто. Движения быстрые, экономные. Он не смотрит на меня, и в этом есть новая причина — она стоит рядом с ним, держится за его рукав и заглядывает в приемную как в неизведанную комнату. Вчера его ладонь накрывала мою, и одно слово сбило дыхание. Сегодня у него другая реальность, и я почти слышу, как он ставит стену обратно — не против меня, против риска.

— У меня через двадцать минут звонок, — бросает он. —

Следите, чтобы ее никто не беспокоил.

«Следите». Киваю, хотя в приемной никто не должен появляться без согласования, а сейчас в моем пространстве сидит человек, которому нельзя сказать «нельзя». Алиса осторожно тянет меня за рукав пиджака.

— А тут можно рисовать? — спрашивает она и уже заглядывает на мой стол, где лежит блокнот с чистыми листами для заметок.

Блокнот корпоративный, с логотипом, тяжелой бумагой. На нем удобно рисовать, если не думать о том, что я потом должна буду это объяснить.

— Можно, — отвечаю я. — Только на бумаге.

— Ура! — Она не прыгает, не визжит. Она просто выдыхает радость, и приёмная меняется: на несколько мгновений перестаёт быть витриной и становится комнатой.

Родион Викторович бросает на нас короткий взгляд. Взгляд не колючий — настороженный. По выражению лица видно: он проверяет, комфортно ли Алисе рядом со мной. И в этом оценивании есть не контроль — страх.

— Я в кабинете, — говорит он и уже идет к двери. Останавливается, явно хочет что-то добавить, но передумывает. — Если что-то понадобится — через внутреннюю линию.

Дверь закрывается, и приемная остается со мной и с девочкой, которая уже тянет из рюкзака коробку фломастеров.

Сажусь рядом, но не слишком близко. Дети чувствуют навязчивость кожей.

— Что рисуем? — спрашиваю я и кладу перед ней лист.

— Дом, — отвечает она сразу. — Только у нас дом большой. И там лестница. И там…

Она говорит быстро, но не бессвязно. Она строит мир словами и линиями. На бумаге появляется прямоугольник, крыша, окна. Потом — маленькая фигура с длинными ногами.

— Это папа, — объясняет она. — Он всегда высокий. Даже когда сидит.

Невольно представляю Родиона Викторовича в кресле — как он сидит по-военному прямо и не расслабляет плечи даже без посторонних. И понимаю, что девочка видит то же самое, только без офисной легенды.

— А это кто? — спрашиваю я, когда рядом с «папой» появляется маленький кружок.

Алиса замирает над листом, фломастер останавливается в воздухе.

— Это я, — говорит она и рисует себя рядом. Потом добавляет ещё один кружок, не закрашивает.

Не задаю вопрос. Умею не задавать лишних вопросов, это моя профессия. Но в груди все равно что-то сжимается: пустой кружок на семейном рисунке выглядит громче, чем слова.

— А ты улыбаешься? — внезапно спрашивает она, поднимая на меня глаза.

Вопрос кажется простым, но он пробивает защиту точнее любых разговоров с HR.

— Иногда, — отвечаю я честно, потому что у детей от правды меньше последствий, чем у взрослых.

Алиса серьёзно кивает, принимая ответ.

— Папа дома никогда не улыбается. А здесь тоже не улыбается. А ты улыбаешься?

Сжимаю фломастер в пальцах сильнее, чем нужно. Вчера он смотрел на меня без привычной ледяной маски и сказал «спасибо» непривычно медленно, без своей обычной приказной интонации. И все равно — ребенок фиксирует другое.

— Он улыбается по-другому, — произношу я аккуратно. — Не всегда видно.

— Надо, чтобы было видно, — заявляет Алиса и рисует на «папе» кривую линию — улыбку. — Вот. Теперь видно.

Не смеюсь вслух, но в груди появляется тепло, которое не хочется признавать. Тепло — опасное, потому что оно делает меня мягче там, где я держу контроль.

— Хорошо получилось, — говорю я, и это действительно так: линия на лице «папы» меняет весь рисунок.

В приемной мигает индикатор входящего звонка. Внутренняя линия. Беру трубку, не отводя взгляда от листа.

— Приемная.

— Филатова. — Голос Родиона Викторовича ниже обычного. — Через десять минут ко мне зайдет Ланская. Алиса остается у вас. Дверь держите закрытой.

Полина. Конечно. День не может пройти без ее присут-

ствия.

— Приняла, — отвечаю я.

Кладу трубку, и Алиса тут же тянется к телефону.

— Это папа? — спрашивает она шёпотом, поглядывая на телефон.

— Да, — отвечаю я.

— Он злится? — уточняет она.

Поворачиваюсь к ней. Она говорит это спокойно, без страха, как факт, который нужно уточнить, чтобы правильно действовать.

— Он занят, — отвечаю я. — Когда он занят, он звучит так.

Алиса поджимает губы.

— Я тоже так делаю, когда собираю лего, — сообщает она и снова склоняется над рисунком.

В приемной тихо. Тихо настолько, что слышно, как фломастер шуршит по бумаге. За стеклом коридора движутся силуэты — без имен, без лиц. Иногда кто-то бросает взгляд на нашу сторону и тут же отворачивается: ребенок у кабинета генерального — это новость, которую невозможно не заметить и опасно обсуждать.

Держу дверь закрытой: чужие глаза слишком быстро превращаются в оружие.

— А ты кто? — спрашивает Алиса вдруг.

Ожидала вопрос про имя, но это «кто» звучит шире.

— Я… — Чуть не говорю «секретарь», но в последнее

время это слово в моем горле цепляется за что-то. — Я помогаю твоему папе, чтобы у него все было вовремя и правильно.

— Чтобы он не ругался? — уточняет она.

Щека дергается. Устами ребенка — прямое попадание в цель.

— Чтобы он успевал, — поправляю я.

Алиса рисует на листе маленький стол, на стол — квадратики.

— Это бумаги, — объясняет она. — Папа любит бумаги. Но я не люблю.

— А что ты любишь? — спрашиваю я и только после вопроса замечаю, насколько естественно он прозвучал.

— Кошек, — отвечает она без раздумий. — И рисовать. И когда папа читает.

— Он читает тебе?

— Иногда, — повторяет она мое слово и хитро щурится. — Только если я прошу три раза.

Я слишком легко могу представить Родиона Викторовича на переговорах: цифры, сроки, вопросы, люди, которых он держит в рабочем ритме. И проигрывает шестилетней девочке, если она попросит три раза.

В этой мысли есть что-то опасно человеческое. Получается неожиданно живо.

Дверь из коридора в приемную дергается — негромко, вежливо. Поднимаюсь раньше, чем ручка опускается до кон-

ца. Срабатывает привычка: не давать никому войти и нарушить порядок.

Входит Полина Борисовна. Улыбка у нее выверена до миллиметра, как и всегда. Она замечает Алису мгновенно. Глаза у нее не расширяются — это было бы слишком честно. Она просто меняет выражение лица на «о, какая неожиданная радость».

— Какая прелесть, — произносит она и входит в приёмную с привычной хозяйской уверенностью.

Встаю между ней и столом. Ненавязчиво. Просто смещаюсь, перекрывая прямой доступ.

— Полина Борисовна, — говорю я ровно. — Родион Викторович примет вас через несколько минут.

Она смотрит на меня, потом на Алису. Улыбка становится тоньше.

— Алиса, да? — обращается она к девочке по-свойски. — Ты папе помогать пришла?

Алиса поднимает на нее глаза. В её взгляде нет почтения. Она смотрит просто и спокойно, без привычного взрослого расчёта.

— Я рисую, — отвечает она. — А ты кто?

Полина замирает. Взрослым непривычно, когда их статус не считывают автоматически.

— Я работаю с твоим папой, — отвечает она сладко. — Мы делаем большие проекты.

— А ты умеешь рисовать? — спрашивает Алиса, и этим

вопросом мгновенно обнуляет «большие проекты».

Полина коротко смеется.

— Конечно, умею… — она приближается еще.

Не отступаю.

— Алиса сейчас занята, — говорю я и улыбаюсь ровно настолько, чтобы это не выглядело вызовом. — И у нас регламент: посетители ждут в коридоре, пока вас пригласят.

Полина бросает на меня взгляд, в котором сквозит обещание: «мы это запомним». Потом переводит его на дверь кабинета и делает вид, что все так и задумано.

— Разумеется, — произносит она и выходит, щёлкнув каблуками так, чтобы это услышал весь этаж.

Алиса смотрит ей вслед.

— Она громкая, — комментирует девочка.

— У нее такая походка, — отвечаю я и снова сажусь рядом.

Алиса продолжает рисовать, не поднимая головы. Вот почему дети опаснее взрослых: они не играют в чужие правила.

Через несколько минут дверь кабинета Родиона Викторовича открывается. Он выходит сам, без секретаря, без паузы. Полина идет рядом и что-то говорит, наклоняя голову. Голос не слышу, но вижу губы: она явно старается быть ближе, чем нужно.

Родион Викторович останавливается в приемной. Его взгляд падает на Алису. В этот момент лицо меняется — не размягчается, нет. Оно становится другим: из железа уходит

холод, остается металл после огня — теплый, тяжёлый.

— Алиса, — произносит он тихо.

— Папа! — Девочка подскакивает со стула и бросается к нему, не спрашивая разрешения у протокола.

Он легко подхватывает её одной рукой и прижимает к себе слишком быстро для своей обычной сдержанности.

Полина стоит рядом с улыбкой, которая становится ненужной. Она смотрит на эту сцену слишком внимательно. Слишком оценивающе. Я замечаю её взгляд и стараюсь не реагировать. И понимаю: ребенок в офисе — еще один повод для разговоров, для шепота, для давления. Для нее — тоже.

— Дай папе минуту, — говорит Родион Викторович Алисе уже мягче. — Я закончу встречу, и мы поедем.

Алиса кивает и вдруг тянет к нему свой рисунок, который все это время держала в руках.

— Смотри! Это наш дом. И ты тут улыбаешься.

Он берет лист. Он поправляет на Алисе шапку непривычно аккуратно. Смотрит на рисунок — и замирает. В тишине приемной слышно, как кондиционер переключает режим.

Полина чуть наклоняется к рисунку, но Родион Викторович не дает ей приблизиться. Он поворачивается корпусом так, чтобы это было только его и дочери.

Ловлю выражение его лица в профиль — и в груди дергается что-то болезненное. С его лица пропадает привычный контроль. В глазах появляется пустота, которую невозможно сыграть. В этой пустоте — тоска и память, и понимаю: пу-

стой кружок на рисунке ранит не только меня. Он поднимает взгляд. И натыкается на меня.

Не успеваю отвернуться. Да и не хочу. Я не отвожу глаза. Потому что в нем — он настоящий. Не генеральный, не хозяин этажа. Мужчина, который держит на руках ребенка и пытается не провалиться в собственное прошлое. Алиса хихикает, вытягивая из его пальто пуговицу.

— Пап, у тебя тут как у робота! — сообщает она, и в этом детском смехе приемная снова оживает.

Родион Викторович моргает. Быстро. Возвращает лицо в привычную маску, но она уже сидит не так плотно. Он аккуратно опускает дочь на пол.

— Алиса, посиди с Мариной Глебовной, — говорит он, и мое имя из его рта звучит неожиданно тепло, слишком персонально для коридора. — Мне нужно закончить.

Полина делает шаг ближе, явно готовясь включиться. Но Родион Викторович даже не смотрит на нее.

— Полина Борисовна, — произносит он и указывает рукой на коридор. — Продолжим.

Они уходят. Полина идет чуть быстрее, чем обычно. Она злится, но не может позволить себе злость при нем.

Алиса снова устраивается за моим столом уже без вопроса. Подсовываю ей новый лист.

— Хочешь нарисовать кошку? — предлагаю я.

— Да! — Она берет черный фломастер и рисует круг, уши, хвост. Потом добавляет усики и огромные глаза. — Это

кошка Мурка.

Не спрашиваю, есть ли у них кошка. Просто киваю.

— Красивые глаза, — говорю я.

— У кошек всегда такие, — отвечает Алиса и тут же хмурится. — Только папа не любит, когда я хочу кошку. Он говорит: «Ответственность».

Слово звучит из детского рта странно взрослым. Представляю, как Родион Викторович произносит его тем же тоном, которым дает поручения.

— А ты хочешь? — спрашиваю я.

— Очень, — признается Алиса и наклоняется ко мне ближе. — А у тебя есть кошка?

— Нет, — отвечаю я.

— Тогда тебе тоже надо, — решает она. — Чтобы дома не было тихо.

Эта фраза ударяет точнее, чем я готова признать. Сглатываю, делаю вид, что поправляю край бумаги.

— А у тебя дома тихо? — уточняет Алиса, не отрываясь от рисунка.

Вдыхаю.

— Иногда, — отвечаю я тем же нейтральным словом, чтобы не выдать лишнего.

Алиса кивает серьезно.

— Тишина плохая, — сообщает она и рисует рядом с кошкой маленький шарик. — Это мячик. Чтобы было слышно, как он прыгает.

Ловлю себя на том, что начинаю дышать спокойнее. Девочка не требует от меня эмоций. Она просто делает свое — строит мир так, чтобы в нем было меньше тишины.

В приемной загорается индикатор входящего вызова. Не внутренний — охрана. Беру трубку.

— Приемная.

— Марина Глебовна, к вам поднимается… э-э… няня. Женщина. Документы у нее есть, — говорит охранник.

Вторая няня. Значит, Родион Викторович все-таки дернул запасной план. Он дергает все запасные планы всегда.

— Пусть поднимается, — отвечаю я.

Алиса слышит слово «няня» и сразу напрягается. Она кладет фломастер, пальцы сжимают край листа.

— Я домой? — спрашивает она.

— Скоро, — отвечаю я.

Ее плечи опускаются. И тут же поднимаются снова.

— А ты с нами? — спрашивает она с той же уверенностью, с какой минуту назад говорила про кошку.

Внутри что-то дергается. С детьми нельзя фальшивить.

— Я остаюсь здесь, — отвечаю я мягко. — У меня работа.

Алиса смотрит на меня пристально.

— Тогда папа будет один, — сообщает она и добавляет почти шепотом: — Он не любит быть один, только делает вид.

Хочется возразить, сказать: «он взрослый, он справится». Но язык не поворачивается. Потому что вчера его ладонь на-

крыла мою, и он сказал одно слово так, будто держался за край. Потому что сегодня его лицо на секунду стало открытой болью, когда он увидел рисунок.

Дверь лифта открывается. В коридоре появляется женщина без имени — аккуратная, в сером пальто, с сумкой и документами. Она подходит к стойке, кивает мне, протягивает пропуск.

Проверяю, киваю в ответ. Алиса уже спрыгивает со стула и бежит к ней, но на полпути останавливается и оглядывается на меня.

— Пока, — говорит она и вдруг возвращается, быстро, почти украдкой. Поднимается на носочки и касается моей руки пальцами.

Тепло — мгновенное, легкое. Не как вчерашняя тяжелая ладонь Родиона Викторовича. Легкое, как маркер на бумаге.

— Ты не громкая, — сообщает Алиса шепотом. — Это хорошо.

Потом разворачивается и уходит с няней к лифту, болтая о кошке и мячике совершенно по-домашнему.

Двери лифта закрываются. Тишина возвращается. Но теперь она не офисная — она пустая.

Опускаюсь на стул, смотрю на стол, где остались листы с домом, кошкой и мячиком. Рисунок остаётся на корпоративном блокноте, и я осторожно убираю лист под прозрачную обложку, чтобы его не увидел первый проходящий сотрудник.

Я возвращаю руки к клавиатуре. Открываю календарь. Пытаюсь вернуться в задачи: согласование встречи, письмо юристам, звонок по подрядчику. Все слова на экране выглядят плоскими.

Дверь кабинета Родиона Викторовича открывается. Шаги по коридору — тяжелые, ровные. Он появляется в приемной без Полины. Один.

Он стоит у порога и не входит сразу, хотя кабинет его. Галстук ослаблен на один сантиметр — я замечаю это раньше, чем успеваю запретить себе замечать. Глаза темные. Взгляд падает на рисунки.

Не двигаюсь. Не поднимаюсь. Не делаю вид, что занята. Работой этот разговор уже не объяснить.

Он молчит. Долго. Потом произносит тихо, почти себе под нос:

— Вы ей понравились. С первого взгляда.

Я не успеваю подобрать ответ, прежде чем смысл его слов доходит полностью.

— Мне тоже.

Γ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.